

СТАТЬЯ С. К. БРЮЛЛОВОЙ О РОМАНЕ «НОВЬ»

Вступительная статья и публикация Н. Ф. Бударовой

Имя Софьи Константиновны *Брюлловой* (рожденной Кавелиной; 1851—1877), корреспондентки Тургенева, на преждевременную смерть которой писатель откликнулся задушевным некрологом, известно лишь немногим исследователям русской литературы. Личность этой высокоодаренной и незаурядной женщины заслуживает самостоятельного серьезного изучения. Многообразные умственные интересы, соединенные с упорным систематическим трудом, резко критическое отношение к существующему строю, жажда общепользнего служения — эти и некоторые другие черты роднят ее с русскими передовыми женщинами 60—70-х годов прошлого столетия.

В настоящей статье сделана попытка осветить — на основе как опубликованных, так и архивных материалов — еще мало изученные связи и отношения Тургенева с С. К. Брюлловой¹.

С. К. Брюллова, дочь известного либерального историка и публициста К. Д. Кавелина и А. Ф. Корш (сестры редакторов «С.-Петербургских» и «Московских ведомостей»), родилась в Петербурге 16 декабря 1851 г. Круг выдающихся представителей русской интеллигенции, с которыми К. Д. Кавелин был связан в 50—60-е годы, несомненно, сыграл благотворную роль в ее умственном и духовном формировании.

Осенью 1863 г. Кавелина поступила в одну из первых открывшихся тогда в России женских гимназий — Василеостровскую, — будучи уже основательно подготовленной дома (занималась русским, французским, английским и немецким языками, музыкой и арифметикой). И. Ф. Рашевский, преподававший словесность в гимназии, сумел пробудить у своих учениц любовь к русской и иностранной литературам. «Шиллер читался с жадностью, о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Некрасове и Тургеневе и говорить нечего: они зачитывались и декламировались наизусть». К гимназическому периоду относятся и первые литературные опыты Кавелиной. «Ее первое более обширное классное упражнение — помнится, разбор повести Тургенева о Рудине — уже давало предчувствовать будущий писательский талант и определяло характер всей ее последующей деятельности. Живо, бойко проведена в этом разборе мысль, что Рудин — говорун, а не человек дела. Эта сторона порицалась строго, без колебаний и смягчающих обстоятельств». К этому же периоду относится и написанная Кавелиной, еще по-детски неумело и беспомощно, повесть из польского быта, в которой «выведены ксендзы, паны и молодой поляк, преданный России, порицавший заблуждения своих земляков, оплакивавший несчастья родины и, наконец, павший жертвою озлобления и ненависти своих земляков. В этом произведении живо отразились толки и споры, происходившие тогда в нашем обществе»².

Серьезные занятия (дома Кавелина продолжала изучать английский язык и музыку), поездки летом за границу, посещение музеев и осмотр достопримечательностей способствовали ее умственному росту. В 1867 г., 15-ти лет, Кавелина окончила гимназию с серебряной медалью. В последний год пребывания в гимназии она углубленно занималась историей и приобрела за короткий период настолько серьезные знания по этому предмету, что сразу же после окончания гимназии была допущена к преподаванию так называемого пропедевтического (начального) курса истории в

младших классах Василеостровской гимназии. В 1870 г. она была назначена преподавательницей всеобщей истории в старших классах. Следует отметить, что Кавелина была первой женщиной в России, допущенной к преподаванию истории в старших классах женской гимназии. По свидетельству начальника петербургских женских гимназий И. Т. Осипина, «в старших классах некоторых женских гимназий имелись учительницы иностранных языков, но по всем другим учебным предметам учительницы не допускались»³.

Кавелина вела преподавательскую работу в течение шести лет. Женских высших учебных заведений тогда еще не существовало, и ей приходилось самообразованием пополнять свои знания. Не ограничиваясь чтением специальной литературы по истории, она изучила греческий и латинский языки — притом настолько основательно, что могла свободно читать древних авторов. Попутно она занималась и славянскими языками (чешский, польский), изучала также историю искусства и теорию музыки. Получаемое за преподавание жалованье Кавелина отдавала на оплату за право учения нуждающихся гимназисток. Во время пребывания семьи Кавелиных летом 1870 и 1871 гг. в с. Иванове Тульской губ. (имение К. Д. Кавелина) она обучала грамоте и арифметике крестьянских детей, что повело затем к созданию в этом селе школы.

Кавелина росла и формировалась под непосредственным влиянием отца, который был для нее всегда высоким нравственным авторитетом. По своему положению в обществе она была тесно связана с лагерем дворянско-буржуазной либеральной интеллигенции, общественно-политические позиции которой она во многом разделяла. Не случайно поэтому, что подлинный демократизм и любовь к народу сочетались в ней со страхом перед крестьянским бунтом и перед новым, грозным «рабочим вопросом», заявившим о себе в 1870-е годы в России. Так, в письме к отцу от 5 июля н. с. 1873 г., откликаясь на его рассказ о расправе крестьянина с помещиком, Брюллова ужасается, что «красный петух у нас так в нравах», и видит в этом «плачевное состояние народного развития, образования <...> дикость и грубость, поколебать которые очень трудно»⁴. В поисках решения «рабочего вопроса» она обращается то к русской сельской общине (см. письмо к Кавелину от 24 июля 1875 г.), то к «трезвости и практичности ума» англичан, которые «выработали у себя политическую свободу» (письмо к нему же от 31 июля 1875 г.)⁵.

Политические и общественные проблемы русской действительности волнуют Брюллову, она постоянно ищет на них ответа, и эта пытливая работа ума обрывается лишь ее неожиданной смертью.

Откликами на события героической борьбы балканских славян за свое освобождение и назревающей русско-турецкой войны полны ее письма к отцу 1876 г. Сочувствуя вместе с другими представителями передовой русской интеллигенции самоотверженной борьбе славян, она вместе с тем отчетливо видит политическую и экономическую гнилость Российской империи и неоднократно выражает мысль о необходимости борьбы с рабством внутри страны. «Но как хорошо бы было,— писала она отцу 20 июля 1876 г.,— если бы мы хоть с половиною горячностью против этой относились к своим, домашним вопросам <...> Школ нет за неимением средств, а на всякую чужеземную благотворительность, включая Патти, мы куда как щедры. Все шик, блеск и треск. Все это вовсе не значит, что я не сочувствую герцеговинцам. Я только желаю, чтобы наша прыть в отношении к ним перенеслась бы и на внутренние наши бедствия и нужды». И далее в письме к отцу от 28 июля 1876 г.: «Дела идут скверно, сербов бьют, пора, наконец, прервать подлое молчание... А страшно, потому что у нас ничего нет и своего дела по горло...» и тут же интересуется, что думает о событиях на Балканах русский народ, потому что «в конце концов так называемые „мы“ — это не Орест Миллер⁶, и не Стасюлевич, и не я, и не ты, а сермяга, серая Русь, прозябающая, унылая и свиная; быть может, ей предстоит великое будущее, но настоящее — куда как неутешительно»⁷.

В последний год жизни Брюлловой усиливается ее критическое отношение к русскому абсолютизму, о чем свидетельствует ее последняя статья о «Нови», публикуемая в настоящем томе. Резко отрицая существующий строй и признавая неиз-

бежность и закономерность революционной борьбы, противницей которой она была, Брюллова еще сохраняет веру в возможность коренного преобразования России «сверху», путем реформы.

Усиление политической реакции в России в 1870-е годы, полное отсутствие надежды на правительственные реформы, рост революционного движения — все это способствовало крушению веры многих демократически настроенных русских интеллигентов в мирное переустройство общества. Следы колебаний — от веры в реформы к неверию в нее и признанию революции как тяжелого, кровавого, но единственно возможного решения противоречий — налицо в статье Брюлловой (см., например, начало статьи).

Широкую известность среди петербургской интеллигенции Кавелина приобрела после ее участия в публичном диспуте с известным педагогом В. Д. Сиповским о преподавании истории в средних учебных заведениях (состоялся в С.-Петербургском педагогическом обществе 20 февраля 1871 г.).

По поводу этого диспута «С.-Петербургские ведомости» сообщали следующее: «Последнее заседание Педагогического общества, происходившее в субботу, 20 февраля, было весьма многолюдно <...> Занятия заключались в чтении реферата г. Гуревичем „О преподавании истории в среднеучебных заведениях“ и в прениях по тезисам г. Сиповского <...> Прения по тезисам г. Сиповского были весьма оживлены, благодаря г-же Кавелиной, весьма удачно оппонировавшей. До сих пор в Обществе женщины играли пассивную роль, и это, сколько мы помним, еще первая попытка активного участия женщины в занятиях Общества. К величайшему нашему удовольствию, мы можем сказать, что эта попытка была удачной. Г-жа Кавелина, видимо, обладает необходимыми научными и педагогическими познаниями, что, при логичности ее доводов и при умении говорить, сколько мы заметили, произвело на всех весьма благоприятное впечатление. Дружные рукоплескания часто прерывали ее речь. Г-жа Кавелина возражала весьма толково...»⁸

Реферат Сиповского «О преподавании истории в средних учебных заведениях» был прочитан им на заседании Общества 2 января 1871 г., опубликован в печати и вызвал полемику в педагогической среде. Среди «противников» Сиповского была и Кавелина. Основная мысль Сиповского заключалась в том, что необходимо заменить систематическое преподавание всеобщей истории в гимназиях освещением лишь самых важных эпох в развитии человечества, сгруппировав их вокруг наиболее характерных деятелей и событий⁹.

Кавелина соглашалась с Сиповским в его критике недостатков преподавания истории в гимназиях и неудовлетворительного состояния учебников, но была против отмены систематического преподавания истории. Сиповский позднее так охарактеризовал своего молодого «противника»:

«Возражения ее были сильны, на них лежала печать такого сильного убеждения, в них было так много горячности, — молодой, хорошей горячности и любви к делу, что я, не соглашаясь с возражениями, не мог в то же время не чувствовать уважения к ним. Вместе с тем, невольно являлась досада. „Да, с этимким энтузиазмом, думалось мне, в самый сухой, мертвый учебник можно вдохнуть живую душу“»¹⁰.

Среди многочисленных слушателей на диспуте присутствовал и Тургенев, рассказавший о нем в письме к П. Виардо от 22 февраля/6 марта 1871 г.: «...puis je vais à une réunion du comité pédagogique, où une jeune demoiselle de dix-neuf ans (fille d'un professeur de mes amis, M. K...) défend une thèse d'histoire avec une science, un aplomb et une éloquence rares, devant deux cents personnes. Voilà certes du nouveau, et pas l'ombre de pédantisme, une naïveté d'enfant, une si grande absence de préoccupation personnelle, que cela ôte toute timidité. C'est phénoménal! On l'a applaudie à tout rompre. Il y a eu beaucoup de demoiselles dans l'auditoire, des institutrices»*.

* «...потом я отправляюсь на собрание педагогического общества, где молодая девятнадцатилетняя барышня (дочь профессора из числа моих друзей, г. К(авелина)) перед двумя сотнями слушателей в диспуте на историческую тему отстаивает свое мнение с редкостными знаниями, уверенностью и красноречием. Вот это, несом-

О сильном впечатлении, произведенном на него личностью Кавелиной, Тургенев вспомнил позднее в некрологе, ей посвященном: «Это был незабвенный для меня вечер. Молоденькая, небольшого росту, девушка в простом сереньком платьице, с белым платочком на шее, с назад зачесанными недлинными русыми волосами, говорила почти еще детским голосом так умно и увлекательно, возражала так дельно, выказывала такое разнообразное знание своего предмета, такие энциклопедические сведения, — что все слушатели (а их собралось много на этот диспут) были поражены — скажу прямо: очарованы. Несколько недоверчивые, снисходительные улыбки, которыми ее встретили сначала, скоро приняли другое выражение — выражение удивления и внимания. Девушка не была красавицей; но более миловидного, симпатического лица представить нельзя: нежно-белый лоб светился умом и чуткостью мысли, та же живая мысль играла в глазах, звучала в голосе; все ее существо было не то что напряжено — а сильно и весело оживлено... и какая простота при этом, какая душевная стройность и ясность! Вы бы не назвали этой девушки ни скромной, ни смелой: оба эти слова не шли к ней... но вы чувствовали: хорошая, честная, в лучшем смысле — образованная личность появилась перед вами и охотно сообщалась вам. Дело шло о способах преподавания истории: Софья Константиновна была тысячу раз права в том, что она защищала: но в самых ударах, наносимых ею противнику, было столько грации — и не элегантно-самоуверенной, на французский лад — а добродушной, русской, почти невинной, бессознательной...» (XI, 269—270).

О том же вспоминала много лет спустя (под несомненным влиянием написанного Тургеневым некролога) Е. И. Апелелева: «Он <Тургенев> и в этот раз приехал поздно, прямо с педагогического диспута Софьи Константиновны Кавелиной с известным преподавателем истории, Сиповским, если не ошибаюсь.

Впечатление, вынесенное им с этого диспута, было огромное, потрясающее.

Молоденькая, восемнадцатилетняя девушка с ясными глазами в сером платье и белом платочке на шее поразила его и многосторонним знанием, и точностью, определенностью приводимых ею доводов, и тою простотою, искренностью и сдержанностью, с которыми она вела прения в присутствии многочисленных слушателей.

Тургенев был очарован, но его приводило в восхищение и внушало ему какое-то трогательное благоговение главным образом то, что эта очаровавшая его девушка была *русская* девушка. В ней он видел нарождающийся новый тип честной, благородной *русской* женщины, бодрой, умной, кроткой, веселой при изумительном трудолюбии и обширности образования. Лицо его, когда он это высказывал, сияло и глаза утратили обычное грустное выражение. Для него вечер в педагогическом собрании, на котором так блистательно выступила талантливая, симпатичная русская девушка, составлял радостное событие, и радость эта подтверждала его горячую любовь к родине... Какими несправедливыми показались мне упорно преследующие его упреки в том, что он, живя за границей, изменил России, разлюбил ее...»¹¹.

В фельетоне «Недельные очерки и картинки» А. С. Суворин также подчеркивал, что для Тургенева «в этой девушке являлся новый тип русской женщины, резко выделявшийся между так называемыми нигилистками и женщинами прежнего покроя. „Вот вам новая тема, Иван Сергеевич“, — говорили ему многие в этот вечер, и он припоминал и повторял ее доводы, ее манеру говорить, воспроизводил ее живой образ, на что он такой мастер»¹².

Со времени защиты диспута между Тургеневым и Кавелиной завязалась переписка; от нее сохранились лишь семь писем Тургенева¹³.

Тургенев, звавший Кавелину еще ребенком, с интересом следил за ее педагогической деятельностью, читал ее исторические статьи, делился с нею политическими и художественными новостями, ценил в ней образованную собеседницу с тонким критическим чутьем. К ее отзывам о своих произведениях он внимательно прислушивался и во многом соглашался с ней (см. письма от 16/28 января 1872 г., 21 декабря 1872/2 января 1873 г. и 4/16 января 1877 г.).

енно, нечто новое, и ни тени педантизма, детская непосредственность, такая полная отрешенность от всего личного, что исчезает всякая робость. Это удивительно! Ей хлопотали оглушительно. В аудитории было много барышень, учительниц» (франц.).

В цитированном уже некрологе Тургенев вспоминал и о встречах с Кавелиной во время своих приездов в Петербург после 1871 г.: «Мне потом довольно часто приходилось беседовать с Софьей Константиновной; иногда я вступал с нею в спор. Но всякий раз я уносил с собою убеждение, что в ней воплотился один из лучших наших женских типов. В каждом ее слове, взгляде, движении высказывалась душа свободная — свободная прежде всего! чуждая всему мелкому, низкому, узкому, деятельная, трудолюбивая, всегда готовая помочь, принести пользу, кроткая при всей энергии, веселая при всей глубине натуры. И как она умела любить! как ее любили!» (XI, 270).

В мае 1873 г. Кавелина вышла замуж за художника П. А. Брюллова (1840—1914), племянника знаменитого автора «Последнего дня Помпеи»¹⁴. По господствовавшим тогда законам ей, как замужней женщине, пришлось оставить любимую педагогическую деятельность. Однако ни счастливый брак и новые обязанности, ни материально обеспеченная жизнь не смогли заглушить в ней жажду знаний и труда. Начинается научно-литературная деятельность Брюлловой. За короткий срок она успела опубликовать ряд статей, в основном, исторического содержания, из которых укажем главные: «Венское общество женского труда»¹⁵, «Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху»¹⁶, «Новая теория о происхождении Франции»¹⁷; Брюллова перевела также на русский язык (с английского) избранные труды Тацита¹⁸. Несколько мелких рецензий и заметок (о женском образовании, о грамотности в России, о художественных выставках и др.) были опубликованы ею в «Неделе», «Голосе», «С.-Петербургских ведомостях», «Новом времени» и других изданиях.

Замыслы исторических трудов Брюлловой, осуществить которые она не успела, поражают своей обширностью. Так, она работала над созданием учебника для женских гимназий и над дополнением к нему — книгой для исторического чтения. Написанные ею с этой целью лекции «Сто лет из истории Франции. Религиозные войны и Генрих IV» и «Грабхи и аграрные законы» ей удалось прочесть в 1875—1876 гг. ученицам старших классов двух частных петербургских гимназий¹⁹. Она мечтала также прочесть курс о государственных и политических учреждениях Англии и серьезно готовилась к нему. В последние годы Брюллова работала над капитальным трудом «История нравов XVIII столетия». Исторические работы Брюлловой заслуживают специального изучения.

Любопытна также незавершенная статья Брюлловой по женскому вопросу, сохранившаяся в ее архиве²⁰. Статья эта написана ранее 1872 г., так как в ней упоминается — как событие недавнего времени — открытие Высших женских медицинских курсов.

Преждевременная смерть Брюлловой 5 октября 1877 г. (ей не было еще и полных 26 лет) вызвала многочисленные сочувственные отклики в печати и в частных письмах²¹. Авторы ряда некрологов не только отдавали должное необычайной умственной одаренности и образованности Брюлловой и ее высоким нравственным достоинствам, но стремились также определить ее общественное значение. Так, например, П. А. Гайдебуров утверждал, что если бы «противники женского образования хоть раз в своей жизни встретились с личностью, подобной Софье Константиновне, они бы наверно сделались горячими его сторонниками. И в этом заключается, может быть, самое важное значение покойной Кавелиной-Брюлловой»²².

Еще более отчетливо эта мысль выражена В. Д. Сиповским, который писал: «Тип таких ученых женщин особенно дорог в наше переходное время. Они скорее всего могут способствовать тому, что для женщин наконец откроются двери в те святилища науки, которые до сих пор упорно закрывают пред женщиной многие стражи и жрецы науки. Покойная С. К. Кавелина представляла яркий и весьма красноречивый пример того, чем при благоприятных условиях может стать даровитая русская женщина. Подобные явления у нас так редки, что смерть ее и в этом отношении представляет, бесспорно, чувствительную общественную утрату»²³.

В неопубликованном письме П. В. Анненкова к К. Д. Кавелину от 8 декабря н. с. 1877 г. содержатся его воспоминания о Брюлловой: «Ни здесь, за границей, ни у себя дома мне еще не случалось встречать такой легкой, веселой работы головы и

мысли, какой она отличалась, несмотря на то, что работа эта часто бывала очень сложного характера. После нескольких минут беседы с Софьей Константиновной всякому невольно приходило на мысль, что добросовестный предварительный труд, приметы которого сказывались во всех ее словах, составлял просто одну из функций ее организма, давался ей свободно и не требовал никакого напряжения сил, что и сказывалось в простоте ее фразы, в скромном покрое, так сказать, одежды, в которую облекались у ней понятие и представление. Тут не было и признака наряда, красивой фальши, кокетства и изобретательности для скрытия недостатков мысли, или для выставки ее выгодных сторон. Глядя на постоянную ровность духа и настроения ее, чем вообще отличалось ее существование, можно было подумать, что морщины никогда не набегали на ее красивый, умный лоб или скоро разгонялись быстро одолевающей силой памяти и соображения, возвращая ему блеск молодости и свежести по-прежнему. Вот почему, помню, куда бы она ни являлась — везде шли навстречу к ней горячие симпатии: так велико было обаяние для всех ее знакомых без исключения этой дельности и бодрости мысли, не боящейся вопросов и выросшей между тем самородным цветком на такой почве, как добродушие, честность и откровенность характера, удивительная восприимчивость и веселость натуры, не повредив и не разрушив их своим ростом. Вы знаете, что мне случалось вступать с ней по временам в беседы и прения, и никогда не забуду я впечатлений, вынесенных мною из этих минут. Никакого признака внутреннего отвращения или досады к возражению или опровержению никогда не встречал я у нее, — раскрывались только светлые ее глаза более обыкновен-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ТУРГЕНЕВА
НА ФОТОГРАФИИ
К. И. БЕРГАМАСКО, 1874:

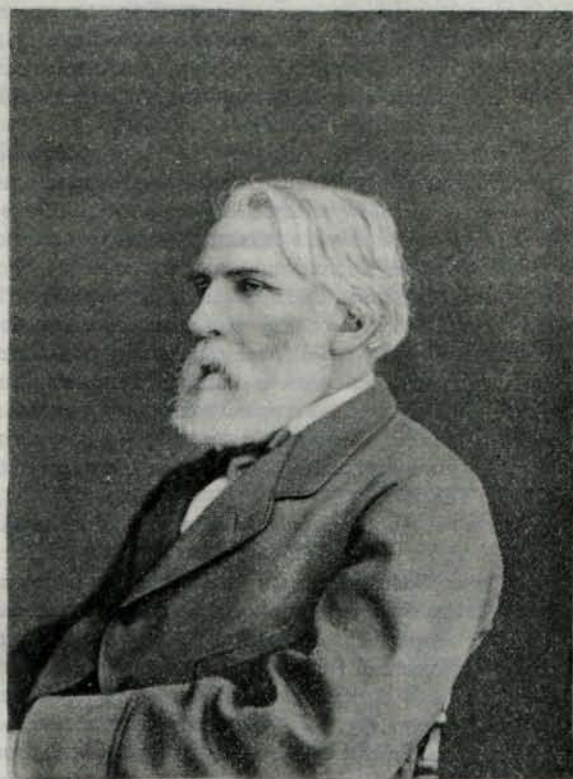
«Софье Ивановне Лаврентьевой на память от И. Тургенева. С.-Петербург, март 1880»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ТУРГЕНЕВ

Фотография К. И. Бергамаско. Петербург, 1874. С дарственной надписью Тургенева на обороте, март 1880 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ST. PETERSBOURG, CH. BERGAMASCO.

ного и устремлялись вперед, словно приглядываясь к незнакомому предмету, а затем уже целым потоком вырывались у нее вопросы по поводу спорного пункта, обвиваясь вокруг него, как полосы огня вокруг неожиданной преграды. Чувствовалось невольно, что за этими вопросами наступит для нее минута, когда она выйдет победительницей из своих сомнений и овладеет темой, наложив на нее печать собственной мысли...»²⁴.

После смерти Брюлловой ее многочисленные друзья и знакомые (среди которых был и Тургенев) по подписке собрали значительные денежные средства для учреждения в ее память стипендии в Василеостровской гимназии²⁵.

* * *

Для историков литературы и исследователей творчества Тургенева значительный интерес представляет большая неопубликованная статья Брюлловой, посвященная роману «Новь». Она дает яркое представление об общественно-политических взглядах Брюлловой и ее таланте как литературного критика и публициста.

К. Д. Кавелин в черновых набросках к биографии Брюлловой следующим образом характеризует эту работу: «...замечателен по мыслям и объему оставшийся в бумагах покойной разбор „Нови“ Тургенева. Это произведение великого русского писателя возбудило в мыслящих русских кружках очень разнообразные суждения, из

которых только самая малая и самая незначительная доля перешла в печать. Восхищаясь романом, ценя его очень высоко, Брюллова передала на письме мысли, на какие навело ее чтение „Нови“. По странной случайности начало и конец ее писательской деятельности посвящены разбору Тургенева. Она началась ученической критикой „Рудина“ и окончилась зрелым, красивым, исполненным огня и внутреннего содержания разбором последнего его романа»²⁶.

Как известно, замысел «Нови» возник у Тургенева еще в 1870 г., о чем свидетельствует хранящаяся в парижском архиве писателя заметка, в которой определена основная «мысль нового романа». К февралю 1872 г. относится «Формулярный список лиц новой повести» и первая редакция «Краткого рассказа новой повести»²⁷. Брюллова была в числе тех немногих лиц, которых писатель поставил в известность о своей работе над новым романом. 21 декабря 1872/2 января 1873 г. он писал ей: «...я сам понимаю и чувствую, что мне следует произвести нечто более крупное и современное — и скажу вам даже, что у меня готов сюжет и план романа — ибо я вовсе не думаю, что в нашу эпоху перевелись типы и описывать нечего — но из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте — не взяты живьем; а *сочинять* в известном смысле я не хочу — да и пользы от этого нет никакой — ибо никого обмануть нельзя. След(овательно), нужно набраться материалу. А для этого надо жить в России».

Тургенев обдумывал и обрабатывал роман «Новь» в течение семи лет — с июля 1870 г. по ноябрь 1876 г. В мае 1876 г. в Петербурге, незадолго до отъезда в Спасское, где работа над романом была в основном завершена, Тургенев встретился на обеде у Стасюлевича с Брюлловой. В незаданном письме Брюлловой к отцу с рассказом об этой встрече содержатся любопытные сведения о «Нови» (на письме карандашная помета, сделанная Кавелиным: «Вторник, 1 июня 1876 г. Павловск»): «С тех пор, как я тебе писала в последний раз, мы два раза виделись с Стасюлевичами: раз они были у нас на даче, другой — мы были у них в городе собственно ради Тургенева, который там обедал и после обеда читал новую свою вещьцу, написанную так, между прочим. Не между прочим, а весьма усидчиво он пишет большой роман, который уже теперь пространнее „Дыма“, и едет в деревню его диктовать. Очень любопытно, что это будет. Действие происходит в конце шестидесятых годов, стало быть, пробавляться старыми впечатлениями и заметками будет нельзя. Тургенев сам говорит, что, если вещь будет неудачна, значит, просто его талант ослабел. Он полагает, что достаточно знаком с новыми русскими типами, чтобы воспроизвести их верно. А мне кажется, что он ошибается. Маленькая его штучка — фантастическая (называется „Сон“) и очень странная»²⁸.

Брюллова, отрицательно относившаяся к последним повестям Тургенева, далеким от современной русской действительности, с недоверием ожидала и появления его нового романа.

Еще до опубликования романа в «Вестнике Европы» его читали многие друзья и знакомые писателя, принадлежавшие к различным общественно-политическим лагерям. Среди них были, например, Стасюлевич, Анненков, Кавелин, Е. И. Утин, Лавров, Лопатин, Кропоткин и др. Брюллова также имела возможность познакомиться с романом до его опубликования: вскоре после получения в Петербурге рукописи роман читали на литературном вечере у Стасюлевича, в кругу друзей которого он получил высокую оценку²⁹. 22 ноября/4 декабря 1876 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу: «Радуюсь вашему одобрению, а также похвалам Кавелина и его дочери: это большое ручательство»³⁰. По-видимому, к этому времени Кавелин и Брюллова были знакомы лишь с первой частью романа, так как 2/14 декабря 1876 г. Тургенев писал Стасюлевичу: «Продолжаю душевно радоваться добрым отзывам о „Нови“ и надеюсь, что, прочтя весь роман, Кавелин сдержит свое обещание и напишет мне письмо». Наконец, 15/27 декабря Тургенев сообщает Стасюлевичу, что получил письмо Кавелина с оценкой «Нови», а 29 декабря 1876/10 января 1877 г. пишет, что получил «премилое письмо» от Брюлловой. Письмо Брюлловой, содержащее подробный отклик на роман Тургенева, не сохранилось, но до нас дошло ответное письмо Тургенева. Несомненно, что эта ее первая оценка романа и ответ ей писателя послужили толчком

к написанию большой статьи, посвященной анализу «Нови». О содержании письма Брюлловой нам дают достаточное представление письма Тургенева к ней от 4/16 января 1877 г. и к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г. Как следует из содержания этих писем, Брюллова, вслед за отцом, так высоко оценила общественное значение романа, что Тургенев отвечал ей: «Прежде всего ваше письмо причинило мне великую радость <...> Тут дело не в литературном самолюбии, которое во мне никогда слишком сильно не было, — а в другом, более серьезном чувстве. Следовательно: вы можете понять, как мне было приятно ваше мнение, именно ваше. Теперь публика выскажет свое мнение: я не буду к нему равнодушен; но моя жатва уж сделана».

Высоко оценив достоинства романа, Брюллова указала, вероятно, Тургеневу на слабое и одностороннее изображение им крестьянской среды. Тургенев следующим образом объясняет это в письме к Кавелину: «Что же касается до изображения крестьян, то тут с моей стороны была некоторая преднамеренность. Так как мой роман не мог захватить и их (по двум причинам: во-первых, вышло бы слишком широко и я бы выпустил нити из рук; во-вторых, я не довольно тесно и близко знаю их *теперь*, чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое движется в их внутренностях), то мне осталось только представить ту их жесткую и терпкую сторону, которую они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д.».

По свидетельству писателя, он, под влиянием этого упрека Брюлловой, «прибавил два-три дополнительных штриха» при характеристике крестьян (письмо к Брюлловой от 4/16 января 1877 г.). В журнальной публикации «Нови» после слов: «...не нужен я ему с моими брошюрами — и всё тут!», — появилась следующая характеристика крестьянина Елизара, отсутствовавшая в беловом автографе: «У адевшего фабричного Павла — (он правая рука Василия, преумный и прехитрый, будущая „голова“ <...>) — у него есть приятель из мужиков, Елизаром его зовут... тоже светлый ум — и душа свободная, безо всяких пут; но как только он со мною — точно стена между нами! — так и смотрит „ветом“!»³¹ Может быть, именно под влиянием Брюлловой Тургенев нарисовал этот «светлый» образ крестьянина? Однако решение этого вопроса не входит в нашу задачу и требует специального изучения.

Любопытно, что Брюллову, вероятно, удовлетворил ответ Тургенева, потому что она в своей статье не возвращается к «крестьянской теме».

В черновой рукописи статьи Брюлловой, посвященной «Нови», есть зачеркнутая фраза, позволяющая точно установить, когда она была начата: «Мы взялись за перо 4 февраля 1877 г.». Работа над статьей продолжалась, очевидно, вплоть до последних месяцев жизни Брюлловой, о чем свидетельствует одно из позднейших добавлений к первоначальному тексту статьи, сделанное ею карандашом на полях рукописи и дающее основание предполагать знакомство Брюлловой с брошюрой М. П. Драгоманова «Внутреннее рабство и война за освобождение» (Genève — Bâle — Lyon, 1877; помещена Драгомановым: Женева, 29 авг. 1877. — См. далее стр. 297 и 315).

* * *

Роман Тургенева, ожидаемый с большим нетерпением, вызвал страстные споры в печати и в самых разнообразных слоях русского общества. Тургенев, внимательно следивший за откликами критики, с грустью писал И. И. Маслову 5/17 марта 1877 г.: «...я никогда не подвергался такому единодушному порицанию в журналах». И, действительно, оценка романа критиками различных общественно-политических направлений в первые месяцы после опубликования романа была в целом отрицательной.

Особенно ожесточенным нападкам роман подвергся со стороны реакционной печати, недовольной, прежде всего, сатирическим изображением Калломейцевых и Сипягиных и сочувственным отношением писателя к революционной молодежи. Идеологическая подоплека подобных выступлений реакционной критики, отрицавшей полностью также и художественные достоинства романа, была ясна передовым органам печати.

Демократическая критика в целом также отрицательно встретила «Новь», не удовлетворенная ни программным смыслом романа, ни образами революционеров-народников, которые она сочла шаржем на революционную молодежь, ни, наконец, образом Соломина как «носителя будущего». В силу цензурных условий при анализе «Нови» критики этого лагеря о многом вынуждены были умалчивать и недоговаривать, чем в значительной степени объясняется противоречивость их оценок³².

Об отношении критиков-народников к роману Тургенева Брюллова судила прежде всего по статьям Профана (Н. К. Михайловского)³³ и П. Никитина (П. Н. Ткачева)³⁴, с которыми она во многом полемизирует. Как известно, позднее, уже после смерти Тургенева, когда отшумели полемические битвы, народники смогли подойти к оценке «Нови» и творчества писателя в целом уже более трезво и объективно, признав его выдающуюся роль для дела русского освободительного движения.

Статья Брюлловой, полемически направленная и против критиков-«консерваторов» и против критиков-«радикалов», не сумевших, по ее мнению, понять общественно-политическое значение романа Тургенева, представляет для нас тем больший интерес, что в ней смело и открыто, без оглядки на цензуру, выражены демократические взгляды и симпатии ее автора и затронуты такие вопросы современной русской действительности, о которых в условиях полицейского и цензурного гнета царской России 70-х годов открыто писать было невозможно. Поэтому публикуемая статья должна занять совершенно особое место среди многочисленных критических откликов на «Новь», появившихся в русских изданиях.

Неудовлетворенная оценкой, которую получил роман Тургенева в русской критике, Брюллова ставит перед собой задачу «сказать несколько слов только об общественном значении „Нови“, о котором нельзя писать свободно на берегах Невы, Волги и Днепра и о которой тем не менее идут жаркие прения в гостиных, в кабинетах и в частных письмах».

Брюллова была связана с широкими кругами петербургской интеллигенции например, круг Кавелина, Стасюлевича и «Вестника Европы», художники-передвижники, педагогическая среда; наконец, либеральные юристы К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович, Е. И. Утин, участвовавшие во многих политических процессах конца 60—70-х годов, от которых Брюллова знала, как свидетельствует ее статья, неофициальные подробности из зала суда, не попавшие в печать, и т. д.). Бесспорно, что она была в курсе самых жарких и ожесточенных споров, вызванных «Новью», и ее статья во многом является их отражением.

При чтении статьи Брюлловой прежде всего обращает внимание резко критическое отношение автора к существующему строю. Очень ярко Брюллова передает ту удушающую атмосферу правительственного гнета, который распространялся на все стороны общественно-политической, экономической и культурной жизни России 70-х годов, в особенности на положение интеллигентной молодежи. Резкой критике в ее статье подвергнута реакционная деятельность министра просвещения Д. А. Толстого. Политику правительства по отношению к молодежи Брюллова характеризует как «сознательное и энергичное детоубийство».

Брюллова стремится объяснить социальные причины, толкающие молодежь на путь революционной борьбы, и оправдывает эту борьбу, так как «за последние годы правительство само как будто взяло на себя труд доказать нам невозможность реформы, невозможность медленного, спокойного пересоздания общества».

Много места Брюллова уделяет в своей статье характеристике народнического движения, слабые стороны которого не ускользнули от ее внимания. Так, например, она отмечает, что народники-пропагандисты плохо знали и понимали народ — ту почву, которую они собирались возделывать. Несомненно, что Брюллова проявляла живой интерес к народничеству и была о нем достаточно хорошо осведомлена. Об этом свидетельствует ее знакомство с материалами политических процессов 70-х годов в России и с крупными заграничными органами народников — журналами «Вперед!» и «Набат».

Есть основания предполагать, что Брюллова была в курсе полемики, которая развернулась в 1874 г. между руководителями двух направлений в народничестве —

П. Н. Ткачевым и П. Л. Лавровым. На этой полемике следует остановиться несколько подробнее, так как она, на наш взгляд, помогает более отчетливо уяснить отношение Брюлловой к революционной народнической молодежи, что тесно связано с трактовкой ею идейного смысла романа «Новь» и, в частности, образа Соломина.

В 1874 г. в Женеве Ткачев опубликовал брошюру «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала „Вперед!“», в которой он выступил против революционной программы Лаврова. Идее народной, социальной революции, выдвинутой Лавровым, Ткачев противопоставил идею политического восстания, произведенного меньшинством. «...революция <...> тем-то и отличается от мирного прогресса, что первую делает меньшинство, а второй большинство», — писал Ткачев. «Насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, *навязать* ему это сознание...» По мнению Ткачева, длительная подготовка революции «есть не иное что, как утопический путь *мирного прогресса*»³⁵.

Лавров откликнулся на выступление Ткачева брошюрой «Русской социально-революционной молодежи», в которой подверг резкой критике утверждения Ткачева о том, что русский народ всегда готов к революции и в любой исторический момент может ее совершить, что революционер всегда должен считать себя в праве призывать народ к бунту, и т. д. «Революционеры, настоящие революционеры, — писал Лавров, — не считают себя в праве этого сделать. Они *подготавливают* победу до начала битвы, *подготавливают* армию для битвы, *подготавливают себя* для нее и тогда, *только* тогда — *делают* революцию», ибо «каждый неудачный *бунт* есть отложение победы *революции* на более далекое будущее». Подготовка социальной революции в России, по мнению Лаврова, должна заключаться в расширении и укреплении революционной пропаганды³⁶.

В этой полемике принял участие Ф. Энгельс, откликнувшийся на нее статьями в газете «Volksstaat» 1874—1875 гг. Энгельс высмеял «великие притязания» Ткачева, его «ребяческие» представления о революции, характеризующие его как «зеленого, на редкость незрелого гимназиста»³⁷.

Тургенев, ознакомившись с полемикой, выразил свое отношение к ней в письме к Лаврову от 23 ноября/5 декабря 1874 г.: «Любезнейший Петр Лаврович, виноват, что не тотчас отвечал вам и не поблагодарил за присылку брошюр, которые я прочел со вниманием и удовольствием. В вашей полемике против Ткачева вы совершенно правы; но молодые головы вообще будут всегда с трудом понимать, чтоб можно было медленно и терпеливо готовить нечто сильное и внезапное... Им кажется, что медленно *приготавливают* только медленное — вроде постепенных реформ и т. д. Это самое впечатление выносят молодые люди из чтения вашего журнала, который в большом количестве проник в Россию и получил там авторитет и значение».

Несомненно, что полемика между двумя идеологами народнического движения нашла свое отражение в «Нови». Это, прежде всего, осуждение ткачевской идеи о готовности народа к революции, о том, что его всегда можно поднять на бунт, «навязав» ему революционное сознание. Несомненно также, что Тургеневу была близка мысль Лаврова «медленно и терпеливо готовить нечто сильное и внезапное», получившая художественное воплощение в образе Соломина, хотя Соломин и не является законченным типом народника-лавриста. Наконец, высказывания Лаврова о необходимости для революционера *тщательно* подготовить себя для будущей деятельности среди народа также могли быть учтены писателем при создании образа Соломина.

В статье Брюлловой есть следующая фраза, подтверждающая предположение о ее знакомстве с этой полемикой: «Нечаевцы, долгушинцы, сорудники журнала [„Вперед!“ и] „Набат“ — люди большей частью весьма молодые, мало образованные теоретически, возводящие даже в принцип отрицание высшей науки, не создающие никаких положительных политических доктрин, но ломающие беспощадно *все старое*. Социальные убеждения их так же радикальны, как и политические. Народ, масса в их глазах

святыня, ради него, а не ради культурного слоя только, хотят они изменить теперешний строй жизни. Но для этого надо притянуть массы к революции, надо поселить в них те же идеи, которыми проникнуты люди, додумавшиеся сами до революции».

Совершенно очевидно, что название «Вперед!» было зачеркнуто не случайно. В невежестве, незрелости, в незнании элементарных революционных истин упрекал Ткачева Лавров (ср. с оценкой, данной Ткачеву Энгельсом). Ткачев был особенно недоволен той пропагандой научных знаний, которая велась на страницах «Вперед!». «Всякий, кто хочет содействовать *мирному* прогрессу, должен учиться, учиться и учиться, накапливать и распространять знания; они необходимое условие этого прогресса. Но они совсем не необходимое условие революции. Они создают прогресс, но не они создают революцию», — писал он в своей брошюре³⁸. Мысль о «навязывании» революционных идей народу с целью поднять его на бунт также характерна для программы Ткачева (ср. фразу Брюлловой о тех формулах, которые «слишком рано хотели навязать пропагандисты» народу).

Та революционная молодежь, о которой пишет в начале своей статьи Брюллова, — это, скорее всего, молодежь бакунинско-ткачевского направления. В оценке, данной Брюлловой революционной молодежи, сказалось также влияние статьи К. К. Арсеньева «Политический процесс 1869—1871 гг.», в которой он характеризует представителей революционного движения второй половины 60-х годов как людей молодых, неопытных, не выходящих в умственном отношении за пределы среднего уровня, ничем не заявивших своих прав на политическую борьбу³⁹.

Следует отметить, однако, что знаменитый «Процесс 50-ти» (1877), продемонстрировавший не только слабые, но и сильные стороны народничества, привлёк внимание Брюлловой: она выделила незаурядную личность П. А. Алексеева, произнесшего на суде яркую политическую речь, заключительные слова которой: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» — В. И. Ленин назвал «великим пророчеством русского рабочего-революционера»⁴⁰.

Брюллова горячо сочувствует благородным стремлениям революционной молодежи вывести народ из нищеты и бесправия; она признает высокие нравственные достоинства этой молодежи. Однако, вместе с тем, она подчеркивает, что путь, избранный этой молодежью, — ошибочен, что народ нужно будить по-другому, что сами пропагандисты слишком молоды, неопытны и политически незрелы.

Брюллова оценивает роман Тургенева как правдивое и глубокое отражение современной русской действительности со всеми ее противоречиями. Его опубликование она приветствует как событие большой общественно-политической значимости. Poleмизируя по этому вопросу с некоторыми критиками (например, с В. Г. Авсеенко⁴¹), она отмечает, что в романе «Новь» Тургенев «задел самое больное, самое живое место нашего общественного тела — нашей молодежи, наших ходителей в народ <...> Это роман тенденциозный с начала до конца, это, прежде всего, общественное явление, политическая *profession de foi*».

Защищая писателя от обвинений в том, что он якобы создавал карикатуру на молодежь, представив ее в романе недалекой и безвольной, Брюллова сопоставляет героев «Нови» с их возможными реальными прототипами — участниками революционного движения — нечаевцами, долгушинцами, «казанцами». Более прав был, конечно, Лавров, позднее упрекавший Тургенева в одностороннем изображении народнического движения. «Процессы 1877 и следующих годов показали, — писал он, — что люди иного типа были налицо, и между тем даже отдаленного намека на эти весьма характеристические типы для „образа и давления времени“ не дал художник в группе тех живых личностей, которых он создал в „Нови“ пред глазами читателя»⁴².

Брюллова убедительно показывает, что Тургенев относится к своим героям-народникам с симпатией и сочувствием, хотя и не разделяет их политических убеждений. «Он не вывел ни одного пропагандиста негодяя, пьяницу и мошенника, хотя таковые имеются. Он не хотел заплевать их. Нежданов, Машурина, Остродумов, Маркелов,

Марианна — все это личности замечательно честные, деятельные, любящие, чистые, как голуби, но не мудрые, как змеи. Тургенев отрицает возможность пересоздать Россию путем политической агитации». С большим теплом пишет она о Нежданове и Марианне, отмечая глубокую художественную правду этих образов.

Чрезвычайно интересную оценку дает Брюллова образу Соломина, подвергнутому почти единодушному осуждению в критике и вызвавшему много споров в русском обществе.

В «Нови» нашли отражение многолетние раздумья Тургенева о настоящем и будущем России, о необходимости служения русскому народу, о возможных путях этого служения. Тургенев, связывавший с образом Соломина решение идейного замысла «Нови», считал его самым трудным в романе и радовался, когда друзья писали, что этот образ ему удался.

Лавров, встречавшийся с Тургеневым в 70-е годы, в период его работы над романом «Новь», вспоминал о том, как писатель с раздражением «рассказывал мне о положении дела в России, об отсутствии всякой надежды на правительство, о растущей реакции, о бессилии и трусости его либеральных друзей». «Он не высказывал, — пишет далее Лавров, — надежды на то, чтобы наша попытка расшевелить русское общество удалась; напротив, тогда, как и после, он считал невозможным для нас сблизиться с народом, внести в него пропаганду социалистических идей. Но во всех его словах высказывалась ненависть к правительственному гнету и сочувствие всякой попытке бороться против него <...> Он никогда не верил, чтобы революционеры могли поднять народ против правительства <...> но история его научила, что никакие „реформы свыше“ не даются без *давления*, и энергического давления, снизу на власть; он искал силы, которая была бы способна произвести это давление, и в разные периоды его жизни ему представлялось, что эта сила может появиться в разных элементах русского общества» ⁴³.

Образом Соломина Тургенев сделал попытку указать правильный с его точки зрения путь служения России, русскому народу.

Из всех художественных образов, созданных Тургеневым, это, пожалуй, самый сложный, противоречивый, и наименее изученный. Даже в наши дни он вызывает разнообразные, иногда прямо противоположные оценки. Так, например, Г. А. Бялый пишет, что «Соломин задуман и подан не как реальная сила русской жизни, а как сила искомая, ожидаемая. Соломины еще должны появиться, пока что их нет на русской почве, они только, по мнению Тургенева, нужны России, эти „постепеновцы снизу“. Это персонаж не реальный, а заданный...». По мысли Г. А. Бялого, конкретная деятельность Соломина такова, что делает его «„революционность“ „чисто декларативной“ и самый образ его туманным и неясным» ⁴⁴.

Другой взгляд на образ Соломина выражен в интересной, но спорной статье Г. П. Макогоненко «Политический смысл романа Тургенева „Новь“». Г. П. Макогоненко видит в Соломине «рабочего интеллигента». По мнению исследователя, Тургенев «стремился в своем романе революционному движению народников противопоставить исторически новое, выросшее им на смену, движение рабочего класса. Так появились в романе противопоставленные Нежданову и Маркелову Соломин и Павел» ⁴⁵.

Чрезвычайно существенны, как нам представляется, для тургеневского понимания образа Соломина и той оценки, которую он нашел у Брюлловой, некоторые статьи журнала Лаврова «Вперед!» Статьи эти помогают также пролить некоторый свет на сложный вопрос: имел ли Соломин какие-либо реальные истоки в русской действительности 70-х годов или же он был задуман писателем лишь как программный образ русского деятеля, необходимого, по мнению Тургенева, для России?

Журнал «Вперед!» почти совсем не изучен исследователями Тургенева ⁴⁶, хотя известно, что писатель субсидировал этот журнал, был его внимательным читателем и дал одобрительный отзыв о его программе в письме к Лаврову от 1/13 июля 1873 г.

Характерно, что основное возражение Тургенева вызвала выраженная в программе «Вперед!» мысль о том, что либеральная русская интеллигенция бессильна помочь

народу. «Программу вашу я прочел два раза со всем подобающим вниманием: со всеми главными положениями я согласен — я имею только одно возражение — и одну apprehension *. Мне кажется, что вы напрасно так жестоко нападаете на конституционалистов, либералов и даже называете их врагами; мне кажется, что переход от государственной формы, служащей им идеалом, к вашей форме — ближе и легче, чем переход от существующего абсолютизма...», — писал Тургенев в этом письме к Лаврову. К числу вопросов, нашедших на страницах «Вперед!» довольно широкое отражение, относится и вопрос о мирном и революционном путях преобразования России. Очевидно, значительная часть русской интеллигенции, честной и преданной народу, еще сохраняла веру в возможность «бескровной революции», и редакция «Вперед!» сочла необходимым подвергнуть критике эту теорию.

Таковы статьи, опубликованные в 1874 г. — «Потерянные силы революции. (Письмо к несогласному)»⁴⁷ и «Неизбежная вражда. (Переписка двух приятелей)»⁴⁸. По свидетельству А. Гизетти, первая из них принадлежит перу Лаврова⁴⁹. В обеих статьях представлен спор сторонника революционного переустройства русского общества и «легалиста» (ср. с началом статьи Брюлловой).

Революционер, ведущий полемику с «легалистом» в статье «Потерянные силы революции», не считает его врагом; это «несогласный», он «возможный враг», но и «возможный союзник», так как есть вопросы, в которых оба придерживаются одинакового мнения.

«Во-первых, — заявляет сторонник революционного переустройства общества, — вы не верите в правительство: это — общее для нас отрицание. Во-вторых, вы признаете права народа на строй общества, где его интересы, экономические и нравственные, будут стоять на первом месте, определять все частности общественного строя; вы признаете обязанность интеллигенции положить свое время, свои силы, свой труд на содействие народу в улучшении его положения, в развитии сил и средств, необходимых для осуществления этого будущего общественного строя, обусловленного интересами народа: это — общее для нас утверждение, и утверждение весьма важное».

Однако средства для достижения лучшего будущего для народа у спорящих различны. «Легалист» считает, что народная революция — «дело не нашего поколения», что нужно «подготавливать в народе самосознание, вырастить в нем самостоятельность, воспользоваться существующими порядками, существующими легальными формами, чтобы вырастить то поколение, которое, сознав свои силы, привыкнув к деятельности в узкой сфере, развернет эти силы и в сфере более широкой...» Орудия, при помощи которых «легалист» хочет подготовить народ «в малом объеме» к самоуправлению, к правильному решению собственными усилиями своих дел, к правильным методам мышления — артель и школа. «Первая, прилагаемая к самым разнообразным областям труда, должна <...> воспитать взрослых к самоуправлению, послужить зерном будущей свободной автономной общине. Вторая должна воспитать в подростковом возрасте человека, которому были бы доступны трудные задачи теории и практики; она должна дать то поколение русского народа, которое будет достаточно зрело для приобретения принадлежащих ему прав».

Артель и школа легальны. Поэтому сторонник мирного пути преобразования русского общества считает возможным «на легальной почве начать деятельность, которая без потрясений, без кровавых и напрасных жертв сначала укрепит силы русского народа, поставит его на ту почву, на которой он сознает и сумеет употребить свои силы, а тогда... тогда никто, конечно, не в состоянии будет устоять против его сознательного решения, против его зрелой и ясно выраженной воли».

Интересна высказанная в этой статье революционером мысль о том, что «легалист» для русского правительства такой же враг, как и революционер, потому что «всякая попытка поднять народ в общественном или умственном отношении есть попытка прямо враждебная существующему порядку, попытка революционная». В статье подвергнута обстоятельной и убедительной критике теория мирного реформистского пути

* опасение (франц.).

преобразования общества, охарактеризованная как «микроскопическое, медленное лечение поодиночке бесчисленных ран народа, когда всё новые раны открываются одна за другою...» Революционер призывает «легалиста» одуматься и стать в ряды революции, пока еще не поздно: «Мы сегодня еще только не согласны между собою, но может быть завтра мы уже будем врагами»⁵⁰.

Статья «Неизбежная вражда» посвящена той же теме. Здесь «легалист» в качестве «широкой, но мирной программы русского деятеля» предлагает организацию рабочих артелей, устройство домов для рабочих, основание ссудных касс. Особенно большое значение он придает народному образованию: «Народное образование,— утверждает «легалист»,— есть сила, при помощи которой можно достигнуть величайших результатов, и на это должны обратить внимание все просвещенные люди России. Грамотная и разумная Россия внесет правильные отношения в судебные, земские и государственные сферы. В последней сфере необходимо преобразование, возможное без кровавой революции только у вполне просвещенного народа, но зато составляющее важнейшее условие для мирного исхода всех прочих изменений в жизни общества: преобразование это — республиканская конституция»⁵¹.

Можно с уверенностью утверждать, что подобные споры о возможных путях преобразования России происходили неоднократно в 70-е годы между революционером Лавровым и «постепеновцем» Тургеневым, что эти вопросы снова и снова вставали перед писателем в период его работы над романом «Новь» и нашли свое отражение в образе Соломина.

Интересно, что Лавров проводил грань между обычными буржуазными постепеновцами, мечтающими о замене императорской власти конституционной формой правления, и теми людьми, которые искренне верили в возможность легального переворота при помощи народа и во имя народа. Подобных людей Лавров считал «заблуждающимися» и верил «в честность многих из них и в их преданность народному делу гораздо более, чем в искренность большинства революционеров, стремящихся к диктатуре»⁵².

В письме к Стасюлевичу от 26 июля/7 августа 1876 г. Тургенев, разъясняя смысл эпиграфа к «Нови», писал, что «плуг» «не значит революция, а просвещение». Программа «пробуждения» народа, проводимая Соломиным (организация школы, больницы на фабрике, завода на артельных началах в Перми), несомненно близка к программе «легалиста» из статей «Потерянные силы революции» и «Неизбежная вражда». Она близка также к той картине скромной и полезной деятельности на благо народа, которую Тургенев рисует в письме к А. П. Философовой от 11/23 сентября 1874 г.: «Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального <...> нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску — нужно уметь смириться и не гнущаться мелкой и темной и даже низменной работы <...> Что может быть, например, низменнее — учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом <...> Чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова — вот всё, что нужно <...> Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности». Характерно, что тот же Лавров первый указал на значение этого высказывания писателя для понимания образа Соломина.

О связи программы народного служения, изложенной Тургеневым в письме к Философовой, с образом Соломина свидетельствуют также воспоминания публициста-народника С. Н. Кривенко, в которых приведено интересное высказывание писателя о своем герое.

«...я убежден,— сказал ему Тургенев,— что такие люди сменяют теперешних деятелей: у них есть известная положительная программа, хотя бы и маленькая в каждом отдельном случае, у них есть практическое дело с народом, благодаря чему они имеют отношения и связи в жизни, т. е. имеют почву под ногами, на которой можно твердо стоять и гораздо увереннее действовать, тогда как люди, не имею-

щие не только прочных корней, но и просто поддержки ни в народе, ни в обществе, уже самую силою обстоятельств обречены на гибель и должны действовать урывками, постоянно озираясь и затрачивая непроизводительно, хотя бы на одно это, массу сил». Далее, на вопрос Кривенко: «А не думаете ли вы, что Соломины легко могут превращаться в простых буржуа или в самодовольных навозных жуков?» — Тургенев ответил: «Это уж от них зависит, это смотря по человеку или по людям и по тому, как они будут действовать, — в свою пользу или нет, в одиночку или согласно, поддерживая друг друга. Но подобные превращения всегда и во всех положениях ведь возможны»⁵³.

Очевидно, что Брюллова близка к тургеневскому пониманию образа Соломина. Она видит в нем «идеал русского деятеля», «желанного для русской земли пахаря», Соломин в ее представлении — «работник, труженик на поприще чисто практическом». Соломин — просветитель, воспитатель народа, он, по словам Брюлловой, «не верит, чтобы народ можно было разбудить и поднять так, как предполагают его друзья»; «он сам будит его потихоньку, исподволь школой, больницей, человеческим обращением, и этот путь кажется ему единственно возможным».

Заслуживает серьезного внимания попытка Брюлловой определить ту роль, которую Соломины будут играть в будущем. Это предположение кажется на первый взгляд неожиданным. «Мы не думаем, — пишет она, — чтобы в лице Соломина Тургенев хотел представить последнее слово русской мысли, русского гения, не думаем даже, чтобы он изображал собою главного двигателя будущей российской революции. Нам кажется, что Соломины — это желанные для русской земли пахари. Только тогда, когда они вспашут „новью“ вдоль и поперек, на ней можно будет сеять те идеи, за которые умирают наши молодые силы. Когда на десять русских придется шесть Соломиных, существующий порядок вещей станет невозможным, и если правительство опоздает реформою, Соломин XX века и его ученик, плутоватый, сметливый и энергичный Павел сознательно, трезво возьмутся за топор. Он не выпадет из их рук, им не нужно будет переодеваться: народ их и без того будет знать, потому что они сами — народ. Соломины будут не *ожожаки*, а рядовые революции, которая и возможна-то будет только тогда, когда у нее окажутся такие рядовые».

Итак, по мысли Брюлловой, в современных ей условиях русский народ, темный, забитый и приниженный, не созрел ни для революции, ни для революционной пропаганды, и нужны долгие годы мирной, воспитательной работы, чтобы ему стали доступны революционные идеи. Народ, разбуженный и просвещенный Соломинными, не допустит старого порядка вещей, и правительство вынуждено будет уступить ему свои права, в противном случае он сознательно (ему уже будут доступны революционные идеи) возьмет силой эти права (ср. с идеями «легаллиста» в статьях «Потерянные силы революции» и «Неизбежная вражда»).

При всем своем неприятии существующего строя, Брюллова все-таки сохраняет веру в возможность мирного пути переустройства общества. «Неизбежна ли революция? — спрашивает она. — Да, неизбежна, как и везде, если не будет вовремя реформы».

Вероятно, в этом же направлении шла мысль Тургенева при создании образа Соломина. Ведь Соломин был задуман писателем как «постепеновец снизу», «русский революционер», что, в понимании писателя, очевидно, не исключало друг друга. Главное для Соломина, по мысли Тургенева, — его конечная цель — «торжество низшего класса»⁵⁴, и если эта цель не будет достигнута долгими годами просветительской деятельности, то он сознательно встанет в будущем на путь революции.

Лавров боролся за «легаллиста», так как видел в нем «заблуждающегося» и считал возможным для него переход в ряды революции. Такой же путь, несомненно, возможен был и для Соломина, для этого у него много предпосылок. Глубокую и интересную оценку образу Соломина дал А. В. Луначарский, заметивший, что «в таком типе, как Соломин, опять-таки есть разные водоразделы». По мнению Луначарского, он «может быть оппортунистом, вроде Потугина, может оказаться и Наживинным. Сначала будет он директором, а потом и хозяином фабрики, — и всегда знает, что делает. Он может выйти на этот путь, но может выйти и совсем на другой путь (<...> Опять-таки чело-

век типа Соломина мог бы выродиться в меньшевика. Может быть, для этого в нем больше всего данных. Но могло оказаться в нем соединение трезвости с большим запасом энергии, которая появилась вместе с революционным выступлением рабочего класса, и тогда из него мог бы выйти настоящий революционер»⁵⁵.

Зоркий и умный наблюдатель общественной жизни, Тургенев не прошел мимо рабочего движения, развивавшегося в Европе и России в 70-е годы. Рабочему движению и I Интернационалу большое внимание уделял журнал «Вперед!», подписчиком которого состоял Тургенев; о Парижской Коммуне, этом первом опыте пролетарского государства, писатель, вероятно, многое слышал от Лаврова, который сам был участником Коммуны и дал ей исторически верную оценку⁵⁶. Об интересе Тургенева к зарождавшемуся русскому рабочему движению свидетельствует, прежде всего, образ рабочего Павла, который в силу цензурных условий, а также недостаточного знакомства писателя с вопросом только намечен в романе. Однако Тургенев задумывался над тем, какое место займет этот общественный тип в будущем, как, несомненно, он задумывался и над той ролью, которую будет играть в деле будущего переустройства России новый появившийся класс. Об этом убедительно свидетельствует его высказывание в письме к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г.: «Быть может, мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла, соломинского фактотума, будущего *народного* революционера, но это слишком крупный тип, — он станет со временем (не под моим, конечно, пером — я для этого слишком стар и слишком долго живу вне России) центральной фигурой нового романа. Пока — я едва назначил его контуры». (Очень характерно, что в публикации письма Тургенева в «Русской мысли» 1892 г. вместо слов «народный революционер», как Тургенев называет Павла, поставлены слова «будущий деятель».) Высказывание Брюлловой об образе Павла еще раз свидетельствует о том, что она была, очевидно, близка к тургеневскому пониманию романа.

* * *

Естественно возникает вопрос, с какой целью писала Брюллова свою статью, опубликование которой, как она это отчетливо представляла, было немисливо в России в силу существовавших цензурных условий. Однако статья, несомненно, предназначалась для широкой аудитории, о чем свидетельствует, например, такая фраза Брюлловой: «...к тому же о художественной стороне романа можно вдоволь говорить и в России (...). Мы хотели бы сказать несколько слов только об общественном значении „Нови“, о котором нельзя писать свободно на берегах Невы, Волги и Днепра...» Об этом же говорят и заключительные строки статьи. К сожалению, в переписке и других архивных материалах Брюлловой нам не удалось обнаружить никаких упоминаний об этой статье (кроме приведенных выше сведений о ней Кавелина). Можно только предположить, что Брюллова намеревалась ее опубликовать в виде отдельной брошюры за границей, например, в Женеве, которая была в 70-е годы центром русской политической эмиграции и где нелегально издавались политические брошюры и другая литература оппозиционного характера по отношению к политике русского царизма.

Статья Брюлловой дает нам возможность более объективно подойти к вопросу об отношении к роману Тургенева русской демократической интеллигенции. Несомненно, что оно было более сочувственным, чем это принято считать на основе опубликованных критических откликов. Многие из числа демократически настроенных читателей романа, лишённые возможности открыто выступить в печати с выражением своих общественно-политических позиций, без чего трудно было писать о «Нови», предпочитали молчать и выражать свое отношение к роману Тургенева лишь в устных спорах.

Статья С. К. Брюлловой (Кавелиной) о романе Тургенева «Новь» публикуется по черновому автографу (ИРЛИ, ф. 119, 21.007/CXLIV б. 16). Основной текст дает последнюю авторскую редакцию статьи; наиболее существенные варианты приводятся под строкой.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В конце 1877—1878 гг. К. Д. Кавелин работал над биографическим очерком Брюлловой, который предполагал опубликовать. В архиве ИРЛИ сохранились: 1) «Материалы для биографии С. К. Кавелиной-Брюлловой» (письма и воспоминания о ней разных лиц, отски и вырезки печатных некрологов, ей посвященных, собранные Кавелиным); 2) черновые наброски биографического очерка Брюлловой (рукою Кавелина); 3) беловой список биографического очерка Брюлловой (рукою Кавелина и других лиц, с замечаниями и дополнениями на полях) — ф. 119, 20.825 — 20.831/СХLIIИ6. 1—2.

Нами использованы также хранящиеся в фонде Кавелина рукописи некоторых сочинений Брюлловой и ее переписка.

² Беловой список биографического очерка Брюлловой. — ИРЛИ, ф. 119, 20.825/СХLIIИ6. 1, лл. 12—14. — Сочинение Брюлловой о «Рудине» не сохранилось, а первая половина ее исторической повести находится в ИРЛИ (ф. 119, 21.004/СХLIV6. 16).

³ Там же, л. 35.

⁴ Там же, 20.489/4/СХХХIX6. Письмо помечено Брюлловой: «6 июля 1873». Сверху поправка Кавелина: «23 <июня>/5 июля суб<бота>». Исправления и уточнения, внесенные Кавелиным в датировки писем дочери, в дальнейшем специально оговариваться не будут.

⁵ Там же, 20.489/5/СХХХIX6.

⁶ Орест Федорович Миллер (1833—1889) — историк литературы и критик, профессор Петербургского университета.

⁷ ИРЛИ, ф. 119, 20.489/5/СХХХIX6.

⁸ «С.-Петербургские ведомости», 1871, № 54, 23 февраля.

⁹ В. Д. Сиповский. О преподавании истории в средних учебных заведениях. — «Семья и школа», 1871, кн. 2, № 2, стр. 23—55; беловой список биографического очерка Брюлловой — ф. 119, 20.825/СХLIIИ6. 1, л. 51.

¹⁰ «Женское образование», 1877, № 8, стр. 476.

¹¹ Е. А. Рдов (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. — «Русские ведомости», 1904, № 4, 4 января.

¹² «Новое время», 1877, № 580, 9 октября.

¹³ «Русская мысль», 1897, № 6, стр. 18—29.

¹⁴ О нем см.: «Биржевые ведомости», веч. вып., 1914, № 14537, 5 декабря; «Новое время», 1914, № 13915, 6 декабря; «Речь», 1914, № 332, 8 декабря; «Зодчий», 1914, № 52, стр. 583. — «Дело» П. А. Брюллова хранится в архиве Академии художеств (ЦИАМ, ф. 789, оп. 14, 78 «Б»).

¹⁵ «Педагогический листок С.-Петербургских женских гимназий», 1874, № 5-6, стр. 125—139.

¹⁶ «Вестник Европы», 1876, № 1, стр. 49—83.

¹⁷ Там же, 1877, № 2, стр. 581—631.

¹⁸ Тацит, в изложении В. Б. Донна. СПб., изд. В. О. Ковалевского, 1876 (Сборник древних классиков для русских читателей).

¹⁹ В архиве Брюлловой этих лекций обнаружить не удалось.

²⁰ ИРЛИ, ф. 119, 21.005/СХLIV6. 16.

²¹ «Вестник Европы», 1877, № 11, стр. 444—449 (Стасюлевич, Тургенев); «Женское образование», 1877, № 8, стр. 474—477 (В. Д. Сиповский); «Воспитание и обучение», 1877, № 10, стр. 472—473; «Неделя», 1877, № 41 и 43, 9 и 23 октября (П. А. Гайдебуров); «Новое время», 1877, № 580, 9 октября (А. С. Суворин); «Северный вестник», 1877, № 161, 9 октября; «St. Petersburg Herald», 1877, от 7 октября и 24 ноября.

См. также письма М. М. Стасюлевича к Л. И. Стасюлевич от 5—10 и 19 октября 1877 г. — ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 103 (в выдержках приведены: Стас., т. II, стр. 133—135) и неизданную статью И. М. Гревса «С. К. Кавелина-Брюллова» (черновик). — Архив АН СССР (Ленинград), ф. 726, оп. 1, ед. хр. 243; 36 лл. (написана в 1930-е годы).

²² «Неделя», 1877, № 41, 9 октября.

²³ «Женское образование», 1877, № 8, стр. 476—477.

²⁴ ИРЛИ, ф. 119, 20.340/СХХХVIII6.28.

²⁵ Сохранился подписной лист о сборе пожертвований (ИРЛИ, ф. 119, 20.828/СХLIIИ6.2). Среди подписавшихся были — А. Н. Пыпин, М. Е. Салтыков, В. Д. Сиповский, В. Д. Спасович, Стасюлевич, Тургенев (подпись — не автограф) и др. Сообщение «Об учреждении стипендии в Василеостровской гимназии» было опубликовано в «Правительственном вестнике», 1878, № 105, 11 мая.

²⁶ ИРЛИ, ф. 119, 20.826/СХLIIИ6. 1, л. 11 об. В рукописи вместо: «Это произведение» первоначально было: «Это последнее великое произведение». Считаю нужным привести этот вариант, так как письмо Кавелина к Тургеневу с развернутой оценкой «Нови» не сохранилось. По поводу этого отзыва Тургенев писал Стасюлевичу 15/27 декабря 1876 г.: «Я такое получил письмо от Кавелина... что, не обинуясь, скажу: во

всей моей литературной карьере я не испытал ничего, что бы доставило мне большее удовольствие!» См. также письмо Тургенева к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г.

²⁷ См.: L'élaboration d'un roman de Turguénév: «Terres vierges». Par A. M a z o n. — «Revue des études slaves», 1925, t. V, cah. 1-2, p. 86—107; M a z o n, стр. 106—137; Ю. Г. О к с м а н. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1921, стр. 59—72.

²⁸ ИРЛИ, ф. 119, 20.489/5/СХХХХХ б.

²⁹ См. письма Тургенева к Стасюлевичу 1876 г.

³⁰ Авторская дата письма: «Понедельник, 4-го дек./23-го нояб. 1876» не соответствует календарным данным. Понедельник приходился на 4 декабря н. с. 1876 г. и, следовательно, на 22 ноября с. с.

³¹ «Вестник Европы», 1877, № 2, стр. 519. Это добавление было вписано Тургеневым на полях корректурных листов «Нови» (ГПБ, ф. 795, № 25, л. 224; ср. Тург. АН. Сочинения, т. XII, стр. 403.).

³² См. об этом подробнее выше в статье А. Г. Цейтлина «Новь».

³³ Записки профана. «Новь». — «Отечественные записки», 1877, № 2, стр. 311—326.

³⁴ П. Н и к и т и н. Уравновешенные души. (Новь. Роман в двух частях. Сочинение И. Тургенева). — «Дело», 1877, № 2—4.

³⁵ П. Н. Т к а ч е в. Задачи революционной пропаганды в России. <Женева>, 1874, стр. 7.

³⁶ <П. Л. Л а в р о в>. Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: Задачи революционной пропаганды в России. Лондон, 1874, стр. 19, 37.

³⁷ Ф. Э н г е л ь с. Эмигрантская литература. <Статьи III и IV>. — «Volksstaat», 1874, № 117 и 118, 6 и 8 октября; 1875, № 36 и 37, 28 марта и 2 апреля; перепеч.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, изд. 2-е, т. 18. М., Госполитиздат, 1961, стр. 522, 524, 526.

³⁸ П. Н. Т к а ч е в. Задачи революционной пропаганды в России, стр. 17.

³⁹ Константин Константинович Арсеньев (1837—1919) — известный либеральный адвокат, критик и публицист; участвовал в качестве защитника в процессе С. Г. Нежаева. За опубликование его статьи «Политический процесс 1869—1871 гг.» в № 11 «Вестника Европы» 1871 г., журнал получил первое цензурное предостережение, в котором отмечалось, что в статье «высказывается мысль о том, что участие молодых людей в тайном обществе с преступными целями, послужившее поводом к возбуждению означенного процесса, было будто бы вызвано стеснительными со стороны правительства мерами; что такое превратное истолкование действий правительства, возбуждая к нему недоверие, обнаруживает вредное направление журнала» («Правительственный вестник», 1871, № 284, 28 ноября).

⁴⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 377.

⁴¹ «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 908.

⁴² Т. в восп. рев., стр. 36.

⁴³ Там же, стр. 25—26.

⁴⁴ Г. Б я л ы й. Тургенев и русский реализм. М. — Л., «Советский писатель», 1962, стр. 231.

⁴⁵ «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, серия филолог. наук», 1939, вып. 4, стр. 263. Г. П. Макогоненко здесь впервые привлек материалы полемики между Ткачевым и Лавровым в качестве источника для изучения «Нови».

⁴⁶ Первой попыткой подобного изучения (преимущественно лишь в связи с образом Нежданова) является статья А. Чернавиной «И. С. Тургенев и журнал „Вперед!“ (К вопросу об истории создания романа „Новь“)». — «Сборник студенческих научных работ» Ленинградского государственного ун-та, серия гуманитарных наук. Л., 1963, стр. 49—52.

⁴⁷ «Вперед!», т. II, 1874, стр. 224—249.

⁴⁸ Там же, т. III, 1874, стр. 1—44.

⁴⁹ «Былое», 1925, № 2, стр. 46.

⁵⁰ «Вперед!», т. II, стр. 224—226, 231, 244, 249.

⁵¹ Там же, т. III, стр. 25.

⁵² <П. Л. Л а в р о в>. Русской социально-революционной молодежи, стр. 50.

⁵³ Тург. в восп. рев., стр. 240—241.

⁵⁴ M a z o n, стр. 108.

⁵⁵ А. В. Л у н а ч а р с к и й. Русская литература. Избранные статьи. М., Гослитиздат, 1947, стр. 97—98.

⁵⁶ П. Л. Л а в р о в. Парижская коммуна. Изд. 2-е. Пг., «Колос», 1919; письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер. — «Голос минувшего», 1916, № 7-8, стр. 124—125, 134—136 и др.

«СТАТЬЯ О РОМАНЕ «НОВЬ»»

Мы переживаем тяжелое, безотрадное время. Гнет, реакция сверху достигли своей апогеи, договорились до абсурда. Душно... ни писать, ни говорить, ни действовать искренно нет возможности. Разговоры в интимных кружках вертятся в заколдованном круге, из которого нет выхода. «Положим, нас давят, — говорят одни, — но зачем же мы позволяем себя давить? Tout peuple n'a que le gouvernement qu'il mérite ^{1*}. Стало быть мы сами гнили, апатичны, тупоумны, если не оказываем протеста. Надо пересоздать Россию снизу, надо заводить школы, фабрики, жить в деревнях, поднять земледелие, благосостояние народа...» «Всё это невозможно, — возражают другие, — потому что гнет распространяется во все сферы жизни. Вы пишете статью, ее вырезают, вы заводите школу, ее закрывают за то, что вы нигилист и т. д. На каждом шагу для малейшего дела требуется геройство, а за геройство вас отправляют в Сибирь». — «Да, но пока мы сами не подыдемся ^{2*}, не начнем работать над собою, до тех пор нас вечно будут давить сверху: сделайте завтра революцию, сбросьте царствующий дом, что вы послеавтра поставите на его место? Где у нас почва, где материал для конституции, для местного самоуправления?» — «Правда, но ведь при этом режиме этот материал никогда не выработается; когда нас стесняют везде и во всем, мы не можем развиваться...» И так до бесконечности, как сказка про белого бычка. Очевидно — спорящие исходят из одной точки: что существующее невозможно, невыносимо; но они ищут различных путей для выхода: один хочет начать пересоздание общества сверху — это революция, другой снизу — это реформа. Спор, которого мы привели главные тезисы, не предполагает двух индивидуумов. Каждый из нас наедине с самим собою проделявает тот же процесс мышления. Бывают у каждого из нас минуты, когда склоняешься к революции, бывают более спокойные, когда надеешься на реформу, надеешься добиться чего-нибудь потихоньку, понемногу ^{3*}.

За последние годы правительство само как будто взяло на себя труд доказать нам невозможность реформы, невозможность медленного, спокойного пересоздания общества. Это медленное пересоздание возможно только посредством школы, посредством воспитания масс, требует нескольких поколений. Наше правительство систематически истребляет школу, ведет систематическую, ожесточенную войну против молодежи, занимается сознательно и энергично детоубийством ¹. История представляет немало гадостей, содеянных царскими руками, но мы еще не встречали нигде и никогда, чтобы эти руки душили и мучили *по преимуществу* молодое поколение. Его более или менее берегут и берегли везде и всегда. Глупо ли, умно ли — его лелеяли, его взращивали в тех или других идеях, но не относились к нему с злорадством, с ненавистью ^{4*}. В настоящее время у нас в России каждый человек, не окончивший еще курса учения, сидящий на университетской или гимназической скамье — есть *eo ipso* ^{5*} человек опасный, враг бога небесного и земного, его считают на все способным, его нещадно карают за всякий мало-мальски выходящий из ряда проступок. Студенты недовольны профессором за то, что он поставил им дурные баллы, и сделали ему скандал, освистали. Их не только

^{1*} Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает (франц.).

^{2*} *Сверху карандашом вписано:* разовьемся

^{3*} *Далее зачеркнуто:* Если взять за исходную точку данную минуту, т. е. 4 февраля 1877 года, то и снова начато: Мы взялись за перо 4 февраля 1877 г., [и пишем] и в эту минуту не может не преобладать то безнадежное, отчаянное настроение, которое прямо

^{4*} *Далее зачеркнуто:* Толстого ²

^{5*} тем самым (лат.).

выключают из заведения, с лишением права поступить в какое-либо другое — но отправляют по этапу «на место родины»³. Недавно открывшиеся женские курсы подвергаются тому же: за невзнос платы за слушание лекций студентка обязуется в 24 часа оставить Петербург. Министр, зараженный греко- и латино-бесием, загромождает полудикую, нечесаную Русь псевдоклассическими гимназиями, преследуя реальное образование, насущно необходимое нашему краю и нашему времени^{6*}. От Белого моря до Кавказа, волосатые обитатели которого едва справляются с русским языком, склоняют латинские и греческие глаголы, читают Ливия, Цицерона и Софокла. Требуется от ученика такая безукоризненная точность в переводах, непогрешимость в употреблении форм и оборотов, что сами учителя нередко попадают в просак, вследствие чего^{7*} нашу родину наводнили чехи и русины — наемные телохранители классицизма⁴.

Наверху не обращают внимания на то, что при этой системе из 25 юношей-гимназистов выпускной экзамен выдерживают два, три, а остальные так и остаются недоучками; что ежегодно бывает по несколько самоубийств 12-ти — 13-тилетних мальчиков⁵. Реальные училища битком набиты, но из них нет хода в университет. А что ожидает тех счастливых, которые правильно проспрягали второй аорист мудреного глагола? — Чиновничья атмосфера, отсутствие нравственной связи между студентами и карьеристами-профессорами; профессора не карьеристы, искренно любящие дело, живые и талантливые, увольняются по высочайшему повелению^{8*}, и тоже иногда с запрещением читать где-либо и что-либо^{9*}. Всякие попытки студентов к корпоративной самостоятельности (студенческие кассы, сходки и проч.) приравниваются к политическому преступлению. Надо быть человеком исключительным, оригиналом, чудачком, чтобы при этих условиях отдаться науке, заниматься своим «делом». Именно наука не дается нашему юношеству. Лишенные духовного руководства, окруженные холодом, казенщиной и жандармами, они либо, плюнув на все, также делают карьеру, либо изламываются, проникаются презрением к существующему порядку, и, не выходя из болезненного, нервного чувства огорченного недовольства, ищут в книжках того, чего нет в действительности.

Молодежь нельзя заставить думать спокойно, бесстрастно. Лучшие экземпляры ее, относясь отрицательно к общему строю Российского государства, не могут пребывать в том душевном равновесии, без которого невозможна научная жизнь. И вот рождаются бесконечные мечты о пересоздании России, конечно, сверху, потому что это радикальнее, скорее, осязательнее, потому что без этого нельзя приниматься за реформу внизу, в массах. Как во всяком общественном^{10*} движении, и в этих есть гнилые частицы: юный лентяй, шалопай, живя на счет отца, числясь в университете, не занимается целый день ничем, кроме курения папирос и болтовни на дешевые либеральные темы, оправдываясь тем, что, де, при существующих порядках работать невозможно. Какая-нибудь барыня, возмнив себя рожденной для высших целей, оставляет детей на целый день и рыщет без устали; брянчат либеральные мелодии. Все это карикатуры, достойные смеха или жалости^{11*}. Но нельзя подводить к этим уродливым образам все то движение,

^{6*} Далее зачеркнуто: когда мы так страшно отстали от Европы в производительности и промышленности

^{7*} Первоначально: для нас требуется громадное количество чехов и русинов, съевших собаку на классиках.

^{8*} Далее зачеркнуто: (как, например, Драгоманов)⁶

^{9*} Далее зачеркнуто: (Лесгафт)⁷

^{10*} Первоначально: революционном

^{11*} Далее на полях зачеркнуто: но нельзя, нарисовав два, три таких образа, отделяться ими от [дальнейших] тех мыслей, на которые наводит

С. К. БРЮЛЛОВА
(рожд. КАВЕЛИНА)

Фотография, 1873

Институт русской
литературы АН СССР,
Ленинград

которое с каждым годом более и более охватывает молодежь, принимая часто дикие формы, потому что это движение, болезненное, исковерканное, происходит на счет умеренного, научного, в ущерб ему ^{12*}. Эта черта резко отделяет современных революционеров от предыдущих, декабристов, петрашевцев и последователей Чернышевского.

Нечаевцы ⁸, долгушинцы ⁹, сотрудники журнала «Набат» ^{13*} — люди большей частью весьма молодые, мало образованные теоретически, возводящие даже в принцип отрицание высшей науки, не создающие никаких положительных политических доктрин, но ломающие беспощадно *все старое* ^{14*}. Социальные убеждения их так же радикальны, как и политические. Народ, масса в их глазах святыня, ради него, а не ради культурного слоя только, хотят они изменить теперешний строй жизни. Но для этого надо притянуть массы к революции, надо поселить в них те же идеи, которыми проникнуты люди, додумавшиеся сами до революции. Учить народ сельскому хозяйству, грамоте, ремеслам, не освободив его от того гнета, который вымучивает из него подати, — бесполезно и не выведет

^{12*} *Далее зачеркнуто:* [Рука] Как всякое общественное движение, оно стремится захватить возможно больший круг; учение имеет

^{13*} *Первоначально:* «Вперед!» ¹⁰ и «Набат» ¹¹

^{14*} *Далее зачеркнуто:* (не исключая и того, что в этом старом создано наукой, искусством, к которым университет или неоконченная гимназия не сумели им внушить ничего, кроме ненависти).

его из нищеты. Итак — ийти ^{15*} в народ, просветить его светом революционного учения — вот задача. Народу не нужна теперь ни наука, ни искусство. Ему не до того. И вообще заниматься этим теперь, когда массы стонут под гнетом подастей, а другие сословия под гнетом цензуры и тайной полиции — преступный сибаритизм. Что народ, экономически приниженный, сразу отзовется на голоса вожаков — представлялось несомненным в глазах юношей и молодых девушек, только что переставших быть детьми. С горячею верою в свои формулы, в правоту своего дела, с поспешностью нервных детей нашего века бросились они к тому сфинксу, который называется русским народом, сфинксу, к которому трудно подойти, которого никто до сих пор не разгадал ^{16*}. Но к образованному слою, к дворянству мужик чувствовал и долго еще будет чувствовать недоверие. Чтобы перешагнуть через эту первую преграду, новые люди, уходя на проповедь, сбросили с себя все внешние признаки своего сословия, оделись в тулуп, перевели свои идеи на народный язык ^{17*}, стали говорить притчами. Как же откликнулся народ на их искренний, молодой призыв? До сих пор, по видимому, холодно, с недоумением.

На Казанской площади пропагандистов вязали и били мозолистые, красные, рабочие руки. Резкие выходы против религии и царя были встречены с негодованием ¹².

Очевидно — «народники» не разгадали сфинкса, оказались ему ненужными, лишними, оказались слишком высокими, слишком отвлеченными, или слишком односторонними, или потому что пошли, очертя голову, не оглядываясь на то, что у них под ногами, не изучив той почвы, в которой теперь вязли эти бедные молодые ноги. И лишь весьма немногие из них задались вопросом, точно ли нужна народу революция, точно ли именно революция, а не что другое. Что это? Тупоумие, узкость, фанатизм или просто юность? Кто эти люди? Глупцы, мечтатели, плуты, шалопаи?

Правительство не дало нам исследовать этого вопроса, не дало высназаться за или против них — оно поспешило окрестить их святым, дорогим <нам> именем мучеников. Да, все эти безбородые недоучки, все эти растрепанные фантазерки, все эти горячие головы — все они теперь фигурируют в терновых венках, с изможденными лицами. Их судит десяток сенаторов, заведомых подлецов ^{18*}, без присяжных; в отчетах, напечатанных в газетах, искажаются ответы подсудимых, слишком красноречивые адвокаты высылаются из Петербурга, но результаты судбища ясны — никому не оказано пощады: шестнадцатилетние девочки за передачу прокламаций и за крик: «Вперед, за мной!» во время казанской сцены — сосланы на несколько лет в каторжную работу ¹³.

Мы понимаем в правительстве чувство самосохранения, мы понимаем, что для усмирения бунтовщиков посылаются войска и пушки. Но ведь эти бунтовщики потерпели фиаско. Они никого не возмутили, их выдали головой. Они беззащитны, безвредны, они — почти *детки*. И теперь тысячи этих детей населяют Сибирь или сходят с ума и заживо гниют в одиночном заключении. Страшно нынче быть матерью юноши-сына или молодой дочери, если они порядочные люди. Их ждет беспощадная судьба: все эти сосланные, замученные, сгноенные в тюрьме — вопиют о мщении, и ни одна свежая молодая душа не может быть глуха к этим воплям.

^{15*} *Далее зачеркнуто:* поучить народ, доказать ему необходимость революции

^{16*} *Далее зачеркнуто:* по очень простой причине: русского народа до сих пор не было; была масса закрепощенных животных, отделенная непроходимой бездной от образованного слоя. [Народ]

^{17*} *Далее зачеркнуто:* стали распространять тенденциозные брошюры, напечатанные, конечно, без цензуры

^{18*} *Далее зачеркнуто:* в особом присутствии Сената

[The page contains dense handwritten notes in cursive script, likely from a manuscript or diary. The handwriting is very close and difficult to decipher. There are several large numbers written at the top right, possibly indicating page numbers or section markers. The text appears to be organized into columns or sections, with some words underlined. The ink is dark, and the paper shows signs of age.]

СТАТЬЯ С. К. БРЮЛЛОВОЙ О РОМАНЕ «НОВЬ»

Черновой автограф, 1877. Лист двенадцатый

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Правительству, самому верховному судье ничего бы *даже не стоило* быть великодушным в этом случае. Он ничем бы не рисковал. Теперь он создал кучи горючего материала, которые будут преемственно переходить от поколения к поколению, увеличиваясь, разрастаясь с каждым годом. Куда нам идти освобождать славян от турецкого ига: мы и сами рабы и поставлены чуть ли не хуже подданных султана, потому что нас, что ни царствование, морочат либеральными реформами, под которые потом подкапываются негодяи, давая под развалинами тех людей, которые их созидали¹⁴.

Глядя на все это, утешаешься только одним: чем хуже, тем лучше. Пусть договорится этот безумный режим до чёртиков, пусть сам доведет народ до тех формул, которые ему слишком рано хотели навязать пропагандисты. Пока жутко и тошно честному человеку в России, деятельность

сколько-нибудь широкая — невозможна. Надо уйти в свою раковинку, делать свое, маленькое дело, помочь, кому можно помочь, отдыхая от времени до времени в книгах, в искусстве^{19*}. Но так называемое чистое искусство даже как-то сердит нас теперь. Досадно, противно читать романы, построенные исключительно на личных мотивах, на анализе тех или других психологических тонкостей. Хочется найти в литературе отклик на тот болезненный стон, который носится над всеми нами, хочется послушать, что думает талантливый писатель о теперешней минуте, как смотрит на новых людей.

Откровенного взгляда на этот вопрос трудно добиться при современных условиях. Отнестись к погибшей молодежи сочувственно — невозможно... Цензура вырежет страницу, говорящую в этом направлении. Осуждать, упрекать, учить уму-разуму несчастных — грешно: лежащего не бьют. Да к тому же, осуждая их за то, что они не посвятили себя более здоровой деятельности, мы не можем указать на те причины, которые исказили, помяли их, не можем привлечь к ответственности тех людей, которые создали для них невыносимый строй жизни.

Ни одного вопроса нельзя рассматривать в России прямо, со всех сторон. Смешно или подло принимать на себя роль судьи между двумя сторонами, из которых одна сейчас может стереть с лица земли, уничтожить другую. Во имя этого мы молчим или выражаемся обиняками, когда речь идет об ошибках и заблуждениях либералов, как будто мы с ними солидарны, и все вопросы искажаются.

Человек написал памфлет на адвокатов, в значительной степени справедливый. Все порядочные люди накинулись на него: «Разве можно выступать против адвокатов тогда, когда они и с ними новые судебные учреждения и без того подвергаются гонениям? Положим, то, что вы сказали, верно, но этого нельзя говорить, потому что это „несвоевременно“». Вы изверились в революцию и признаете только медленный прогресс. Попробуйте теперь доказывать, что юношество должно работать, учиться, а не агитировать, — вам бросят в лицо, что вы консерватор, буржуй, чиновник и даже, пожалуй, шпион, и будут правы, потому что вы не могли прибавить к этому совету для г-на Толстого не мучить молодежь классицизмом и убийством университетской свободы. Мы все вопросы ставим условно, относительно, мы изолгались сами перед собой и друг перед другом.

Единственный путь высказаться более или менее откровенно о том, что нас волнует и тревожит, осветить так или иначе современные типы и положения — это художественное произведение. Говорим более или менее, потому что у нас нередко запрещаются и романы, и повести, даже картины. В сумме, однако, к ним относятся менее строго, чем к «серьезной» статье, написанной в убедительном и увлекательном тоне^{20*}.

Как же воспользовались этой льготой наши новейшие беллетристы?

Г-н Достоевский в своих «Бесах» является настолько враждебным молодежи, что мог выразить свои чувства где и в какой угодно форме, не прибегая к образности. Г-н Гончаров в «Обрыве» также изобразил дикого нигилиста в самом непривлекательном виде. Тургенев — единственный русский литератор, воспользовавшийся своим положением художника, чтобы поставить вопрос честно, прямо, откровенно, высказаться открыто,

^{19*} *Далее зачеркнуто:* Но и тут не уйдешь от горького, болезненного чувства, которое возбуждает современный порядок.

^{20*} *Далее зачеркнуто:* Переложите на простой, серьезный язык Щедрина, и цензура его заест, в настоящем своем виде он забавен, смешон, аллегоричен, не ставит точек над i и потому может себе позволить гораздо больше, чем ученый или публицист.

на все стороны. И он не мог высказать всего, что думал, потому что и беллетристу не все позволено, но то, что он высказал, настолько недвусмысленно ^{21*}, что не оставляет ни иоты сомнения в том, что недосказано.

После «Отцов и детей», в которых он вывел впервые нигилиста, но нигилиста теоретического, он почти не касался русской молодежи. Живя преимущественно за границей, редко заглядывая к нам, он все больше печатал миниатюры; содержание некоторых из них («Пунин и Бабурин», «Конец Чертопханова», «Степной король Лир», «Собака», «Живые мощи», «Бригадир») очевидно сложилось в его душе в эпоху «Записок охотника»; другие изображали типы русских за границей («Дым», «Вешние воды»), в особенности бомонда, страсти и отношения чисто личные ¹⁵.

Тем временем в России много воды утекло. Кончилось крепостное право, возникли земские учреждения, новые суды. Женщины вышли из замкнутой сферы мелочных, семейных отношений, которые так чудно схватывал в былые времена Тургенев, и расширили круг своей деятельности. Нигилизм перешел из теории в практику, вместо филантропов-помещиков народились ходители и ходительницы в народ. Всех этих явлений наш талантливый писатель не касался. Мы думали, что он перестал понимать нас, и читали его последние вещи, как бы отдавая дань уважения некогда мощному старцу, пробавляющемуся теперь лишь отжившими, выдохшимися воспоминаниями. «И к чему нам эти образы? — говорили мы. — Это все умерло, это все уж избито, уж пережевано». Нас волновало свое, новое, нас томила жажда видеть себя и свое время изображенными мастерскою, свежю кистью. И вот Тургенев в последнем большом романе задел самое больное, самое живое место нашего общественного тела — нашей молодежи, наших ходителей в народ... ^{22*} Его «Новь» не фотография, не этюд — не только верное, вполне объективное воспроизведение тех или других типов и явлений. Это — картина, в которой есть центр, которая вся писана в известном тоне, освещена известным светом. Мы всюду видим Тургенева, видим его взгляды на дело, на описываемую им среду, даже его взгляд на будущее, на новые, только что намеченные типы. Это роман — *тенденциозный* с начала до конца, это, прежде всего, крупное общественное явление, политическая *profession de foi*. Говорят — это именно его недостаток, это парализовало его художественную сторону. Может быть, это и так. Мы оставим этот вопрос в стороне; стоит поспорить двум людям в течение получаса о художественных предметах, чтобы обнаружилось, что то, что один называет художественным, то другой называет не художественным, и что термин этот при современном состоянии эстетики не подлежит точному определению ^{23*}. К тому же о художественной

^{21*} *Далее зачеркнуто:* что заслуживает глубокого уважения, глубокого сочувствия.

^{22*} *Далее зачеркнуто:* Мы предполагаем в наших читателях основательное знакомство с «Новью» и потому не будем пересказывать ее содержания, что заняло немало места в так называемых литературных обзорах наших газет.

К живым, современным, наиболее важным вопросам невозможно и даже просто преступно относиться чисто художественно, вполне объективно, т. е. взять два-три наличных типа, представить их вполне реально, вполне верно — и только. Самый подбор этих типов, самая группировка сцен совершится непременно под влиянием общего взгляда на тот или другой вопрос. Если этого общего взгляда нет в авторе — его навяжут ему читатели, которые непременно будут доискиваться, что же он хотел сказать, кому он сочувствует, кому нет. [Тургенев] При этом несомненно возникают споры и несогласия. [Один понимает] Так как ни один талантливый беллетрист не [пишет] привешивает этикеток к своим героям, то и является спор о том, каковы эти герои, как описал их автор, какие стороны выставил более или менее.

^{23*} *Далее зачеркнуто:* Все, что мы лично можем сказать о романе — это то, что действующие лица выступают перед нами живо, [корпусно] рельефно. О них можно спорить, их можно оценивать так или иначе, как можно различно оценивать живых людей: о ходячих идеях, о куклах, одаренных человеческими качествами, — нечего спорить.

стороне романа можно вдоволь говорить и в России. Критик «Русского вестника» безжалостно изобличил Тургенева в массе неверностей и несообразностей, разобрал по косточкам, что в Александринском театре нет мест в 3 рубля и проч.¹⁶

Мы хотели бы сказать несколько слов только об общественном значении «Нови», о котором нельзя писать свободно на берегах Невы, Волги и Днепра и о котором тем не менее идут жаркие прения в гостиницах, в кабинетах и в частных письмах.

Говорят, молодежь, так называемые народники, не узнают себя в изображении Тургенева, находят, что он был несправедлив к ним, выведя как представителей их людей либо слабохарактерных, либо слабоумных, оставив без внимания лучшие экземпляры, соединяющие большой ум, большое образование с твердостью воли. Этого упрека наше юношество, конечно, не может сделать автору печатно, ибо в «народниках» не дозволяется признавать не токмо великих нравственных доблестей, но и человеческих сторон. Это говорится под сурдинку и, может, выскажется разве в заграничных изданиях¹⁷. Точно так же ни один порядочный человек не станет печатно возражать на этот невысказанный упрек, что мы не видели между нечаевцами, долгушинцами и казанцами ни одного человека с большим, основательным, реальным образованием, с знанием той почвы, которую взялся возделывать, с ясно сознанными политическими идеалами. Тургенев высказал эту мысль устами и делами своих героев. Он не вывел ни одного пропагандиста негодяя, пьяницу и мошенника, хотя таковые имеются. Он не хотел заплевать их. Нежданов, Машурина, Остроумов, Маркелов, Марианна — все это личности замечательно честные, деятельные, любящие, чистые, как голуби, но не мудрые, как змеи. Тургенев отрицает возможность пересоздать Россию путем политической агитации. Агитаторы, с которыми он встречался в жизни, казались ему субъектами слишком молодыми, слишком увлекающимися¹⁸, а иногда — просто тупыми^{24*}. Часть обвинений этого рода отпадает весьма легко, если припомнить, что Тургенев писал «Новь» шесть лет, что она сложилась в нем под влиянием нечаевского процесса; Василий Николаевич — это Нечаев¹⁹. Вскоре после окончания нечаевского дела Арсеньев²⁰ написал статью о понижении уровня политических преступников. Петра Алексея Тургенев не имел в виду, когда писал «Новь». Но Петр Алексеев и теперь является единичным явлением, тогда как история долгушинцев, казанцев и даже недавно разбиравшейся группы²¹ представляет во многом разительное сходство с сценами Тургенева.

И он представил нам эти типы, составляющие, на его взгляд, большинство. Он представил нам несколько глав из того мартиролога, которому заглавие «Революционные идеи в России».

Несколько юношей взялись распахать ту «новь», которая называется русским мужиком. Но их постигает трагическая судьба. «Новь» не трогается с места, им не пронять ее. Они топчутся по ней, орошают ее слезами и потом, а она все не поддается. Все они, кроме Нежданова, изверившегося в деле, гибнут от рук «охранителей существующего порядка», которым эта «новь» выдает их с руками и ногами^{25*}. Когда дело доходит до развязки, ни один из них не трусит за свою особу. Идея им всего дороже. Маркелов и Остроумов умирают за нее, как герои. Мариан-

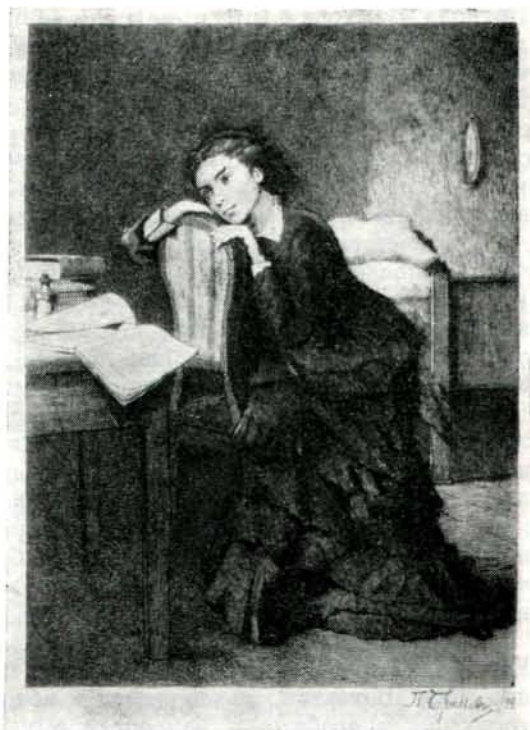
^{24*} *Далее на полях зачеркнуто:* Не забудем и того, что Тургенев писал больше всего под влиянием нечаевского [процесса] дела, что «Новь» начата и задумана давно, что Петр Алексеев говорил после появления «Нови», что

^{25*} *Далее зачеркнуто:* а гибнут они, как герои, и много сил, напрасно растраченных, [чувствуется] под этой безотрадной жизнью.

«ЖЕНСКИЙ ТРУД»

Офорт П. А. Брюллова, 1874

Литературный музей, Москва

на готова умереть. Ее спасает случай, без малейших усилий с ее стороны.

Тургенева упрекают и в том, что он не показал нам *raison d'être* ^{26*} ходителей в народ, не показал, из чего и как они возникли ²². Действительно, жаль, что он этого не сделал. Но, спрашивается, мог ли он это сделать? Во-первых, для этого он должен был бы захватить очень далеко и сказать много такого, за что бы его роман не увидел света, во-вторых, изобразив Сипягина и Калломейцева, он вместе изобразил направление нашего правительства, в котором эти люди играют первую скрипку и создают порядки, вызывающие революционное брожение. В первой сцене слегка намечены некоторые черты этого порядка: «Ничего особенного не случилось,— отвечает с досадою Нежданов на навязчивые расспросы Паклина,— а случилось то, что нельзя носу на улицу высунуть, в этом гадком городе, в Петербурге, чтоб не натолкнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху!» ^{27*}.

«Поднимать новь следует не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом»,— говорит Тургенев.— Эти юноши — сохи. Они захватили поверхностно, не глубоко, они не задели этой «новии» за живое, потому что не знали ее.

Ни одной минуты, однако, не может прийти в голову читателю, что Тургенев думает вовсе не поднимать этой новии, стать на сторону «охранителей». Мастерски, злостно и вместе юмористически очерченный образ Сипягина и Калломейцева — это вызов всей партии покойной «Вести» ²³,

^{26*} разумное основание, смысл (франц.).

^{27*} Далее зачеркнут следующий текст из 2-й главы «Нови»: «—Жить здесь больше невозможно ∞ Басанова арестовали» (текст приведен Брюлловой не полностью).

Каткова, Валуева с *tutti quanti* ^{28*}. Они уже прислали ему расписки в получении оплеухи ²⁴, как некогда хотели послать после «Дыма» ²⁵. Если нечаевская молодежь ропщет на Тургенева, то уж, конечно, не менее ропщет молодежь припомаженная, раздушенная; Тургенев стоит теперь один, окруженный горсткою людей, занимая самое невыгодное место — место среднее между радикалами и консерваторами, за это ему скажут когда-нибудь спасибо ^{29*}, но стоит, не виляя, не отлынивая, а твердо, громко высказывая свою мысль, не угодную ни тем, ни другим.

Тургенев выводит и того человека, который пашет плугом ^{30*}. Об этом пахаре после. Этот пахарь опять-таки одинаково противен радикалам красным и белым. Мы прежде всего хотим выяснить то настроение, под влиянием которого писалась «Новь», то чувство, которое автор высказывает по отношению к молодежи, есть ли это карикатура на молодежь. Можно ли вообще назвать карикатурой то, что вызывает у вас слезы? Когда Нежданов отдает последние деньги на пропаганду, когда Маркелова, раздавшего крестьянам большую часть своей земли, выдают эти же крестьяне, когда Марианна и Нежданов, собираясь в народ, переодеваются в мужицкие костюмы, стараются говорить народным языком, когда Нежданов идет в кабак и возвращается пьяный, не понятый никем ^{31*} и стреляется — читателю не смешно, а больно. И это не выдумка: мы знаем из жизни факт подобного рода. Были, может быть, и факты другого рода, но это не значит, что *таких* не было.

Вся фигура Нежданова — живая, скорбная и страшно правдивая. И вся его скорбь оттого, что ум у него пытливей других, что он не доктринер, как Маркелов, не энтузиаст и вечный ученик, как Машурина и Остродумов, способные к непрестанному *jurare in verba magistri* ^{32*}. Его мучит мысль, что «новь не так следует поднимать». Но как? До разрешения этой мысли он не дожил. Его заело сомнение, презрение к самому себе за это сомнение и отчасти то, что, он замечал, Марианна любила не его, а Соломина ^{33*}.

Много говорят и спорят в наших гостиних фашионабельных и нефашинабельных о Марианне. Обвиняют Тургенева за то, что он выбрал свою героиню не из лучших, не из образованнейших русских женщин. Марианна — воспитания домашнего, а не гимназического, не университетского. Правда; но из университетских женщин, которые все известны наперечет, ни одна не пошла в народ. Они работают на другом поприще. Во всяком случае, странно упрекать автора за то, что он выставил тот, а не другой тип, если этот тип идет к делу. В этом никак нельзя отказать Марианне. ⁹/₁₀ наших заговорщиц — Марианны. Это — личность, надломленная преждевременною, мелочною, бесплодною борьбою, стремящаяся всею душою вырваться из ненавистной, лживой обстановки, где все претит и личному чувству и общим ее взглядам. Эти общие взгляды сложились в ней более путем инстинктов, аспираций, словом, более путем так называемых сердечных процессов, нежели умственных ^{34*}. Марианна лю-

^{28*} со всеми прочими (итал.).

^{29*} Далее зачеркнуто: «Новь», по его мнению, надо поднять — и он высказал, как, по его мнению, поднять ее.

^{30*} Далее зачеркнуто: Но он пашет медленно, тщательно и потому еще долго будет пахать свою безграничную «новь».

^{31*} Далее зачеркнуто: когда это непонимание доводит его до самоубийства

^{32*} Буквально: клястися словами учителя (лат.); слепо верить во что-либо, не иметь собственного суждения.

^{33*} Далее зачеркнуто: на которого инстинктивно опиралась как на силу, думая, что сердце ее принадлежит Нежданову.

^{34*} Далее зачеркнуто: В этом отношении есть, пожалуй, нечто общее между ею и Еленою в «Накануне». Но Марианна — Елена другого поколения, пожалуй, дочь

бит идею, не задумываясь над практическим ее применением, над ее осуществимостью. Идея эта — горячо прочувствованная, выстраданная в безотрадной обстановке, изломавшей ее молодое сердце. Она крепко жмет руку человека, сочувствующего также этой идее. Этот человек — мужчина, красивый, лично ей симпатичный, и взаимное сочувствие, взаимное понимание посреди совершенно чуждой обстановки принимает характер любви. Это — явление чисто случайное. Попади в это время Марианна на женщину, подобную Нежданову, она бы горячо привязалась к ней, пошла бы с ней рука об руку, но не с тем чувством, которое невольно напросилось к ней в сердце, когда она встретила с мужчиной. В любовных отношениях Марианны и Нежданова страсть, непосредственное, чувственное увлечение играет весьма незначительную роль. Они уходят вместе на дело, говорят всего больше о деле, они живут рядом дверь об дверь, и только раз, как будто между прочим, Марианна говорит другу:

«— Алеша, ты знаешь, что когда ты мне скажешь, как честный человек — а я тебе верю, потому что ты точно честный человек; когда ты мне скажешь, что ты меня любишь тою любовью... ну, тою любовью, которая дает право на жизнь другого, когда ты мне это скажешь — я твоя <...>».

— Когда я тебе это скажу...

— Да, тогда! Но ведь ты сам видишь, ты мне теперь этого не говоришь... О, да, Алеша, ты точно честный человек. Ну, и давай толковать о вещах более серьезных».

Любовь ее быстро переходит в чувство жалости, снисходительной жалости к его нравственной недужности и слабосилию, с которыми она невольно ежеминутно сравнивает стойкость, определенность Соломина. Увлеченная, горячо, страстно верующая в свою миссию, Марианна отдается ей целю и здорово. У ней нет в голове той рефлексии, тех теоретических завалов, которые мучат Нежданова. Ее мучил сипягинский дом, Анна Захаровна и Валентина Михайловна. Вырвавшись оттуда, она искренно, жарко бросилась в новую жизнь. Ее разговоры с Татьяной и Соломиным на фабрике кажутся многим читателям «Нови» глупыми и аффектированными³⁵. По нашему мнению, это верх совершенства и проникнуто величайшею правдою. Дело в том, что каждая женщина нашего среднего интеллигентного круга невольно гораздо больше соприкасается с мелочами будничной жизни, чем мужчина, и потому имеет гораздо больше возможности узнать именно эту, будничную жизнь. Но и женщина среднего круга смотрит на нее сбоку, издалека. Редкая из них сумеет спечь пирог, сварить суп, вымыть пол, и каждой из них случалось тысячу раз, придя на кухню, чтобы для шутки помесить тесто или порубить котлеты, встретить насмешливый взгляд кухарки, устремленный на неумелые барские руки. В таком точно положении очутилась Марианна. Она^{35*} пошла «в народ» и, пока Нежданов разносил книжки и проповедовал^{36*}, оставалась на фабрике, снедаемая страстным желанием поскорее сблизиться, слиться с этим народом.

Горячность, с которой она принимала советы Татьяны, в лице которой училась «у народа», горячность, с которой мыла горшки, чесала мальчишку и проч., — несколько детская, но весьма соответствующая ее основному настроению. Она, без сомнения, не смотрела на эти занятия как на

Елены... Елена любит кошек и собак несколько сентиментально, ее стремления чисто семейные, более пассивные, чем активные, она любит Инсарова как силу, как нечто, перед чем она преклоняется.

^{35*} Первоначально: искренно, горячо бросилась

^{36*} Далее зачеркнуто: [она] старалась вникнуть в самую жизненную жизнь фабрики, в которой провела несколько дней.

С. Петербург

Women
H. C. Murphy

Ce manuscrit
appartient
à M. Jean Tourgueneff
50, Rue de Douai
Paris.

13/25 ноября 1876.

[illegible]

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

конечную свою задачу, но как на школу, как на орудие сближения с народом, служения ему:

«—Мне, Татьяна Осиповна <...> хотелось бы выучиться какому-нибудь ремеслу... да мы еще поговорим об этом с вами. Шью я плохо. Если б я выучилась стряпать — можно бы в кухарки пойти.

Татьяна задумалась.

— Как же так в кухарки? Кухарки у богатых бывают, у купцов, а бедные сами стряпают. А на артель готовить, на рабочих... Ну, уж это совсем последнее дело!

— Да мне бы хоть у богатого жить, а с бедными знаться. А то как я с ними сойдуся?..»

Во имя сближения с народом она бросает свой дворянский костюм и курение, которое народ в женщинах недолюбливает. Она не брезгает ничем, она готова на всякие жертвы, и в этом отношении цельнее Нежданова, который нет-нет да и понюхает с гримасой мужицкий тулуп. Она жаждет пожертвовать собой, а пока жертвует своим трудом на единичные подвиги милосердия. Соломин доказывает ей, что в этих-то мелких делах и заключается служение народу, что «чесать шелудивому мальчику голову большая жертва». Мало-помалу, незаметным для себя образом, Марианна совершенно подчиняется его <Соломина> влиянию^{37*}, начинает чувствовать к нему и к его делу безграничное доверие, повиноваться ему, тогда как Нежданов постепенно гаснет на ее глазах, теряя веру в начатое дело, заеденный скепсисом, неудачей своих первых попыток на поприще агитации. Похоронив Нежданова со слезами сожаления о бедном страдальце, Марианна выходит за Соломина. «Это бессердечно!» — восклицают многие²⁷. Но ведь она никогда его не любила страстно, да и он не любил ее «тою любовью», о которой она говорила ему, и сам это высказал в письме к Силину.

И разве дело изменилось бы, если бы Марианна сочеталась с Соломиным двумя, тремя месяцами позже? Конечно, соблюдение декорума всего менее заботило и ее, и Соломина. Они оба вспоминали с грустью Нежданова, но^{38*} Марианна не изменила ему, что называется. Любовь Соломина к ней — цельная, выдержанная, глубокая, как все его чувства. И его обаяние над нею также обуславливалось общим строем его характера.

«—Вернись поскорее, Нежданов,— говорит Соломин, отпуская его на разведки.— Ты обещаешь, Нежданов? Обещаешь?

— Да.

— Да — наверное?

— Коли тебе все здесь покоряется, начиная с Марианны.

Соломин — это тот пахарь, который, по мнению Тургенева, пашет плугом и потому подымет крепкую, заматерелую «новью». Это тот пахарь, которого Тургенев противопоставляет Машуриной, Остродумову, Нежданову и Маркелову, пашущим сохою, ломающимся о новью. Соломин — это идеал русского деятеля, образ, быть может не существующий в действительности, т. е. не существующий в том виде, как его изобразил Тургенев. Отдельные черты его характера разбросаны по разным личностям Российской империи. Но соединение их в одном лице, в тех сочетаниях, в тех пропорциях, в которых выведены они Тургеневым, мы, да, быть может, и сам автор, не встречали в русской жизни. Итак, это — то же, что Штольц, Тушин, Улинька и прочие идеальные образы русской литературы? В том-то и дело, что нет. Что придает названным типам мертвенность — это то,

^{37*} Далее зачеркнуто: [его авторитет] его мнение — для нее становится авторитетом, в нем есть та определенность, она <на> него опирается, ему повинуются.

^{38*} Далее зачеркнуто: Марианне приходилось мало вспоминать именно его любовь.

что они обрисованы не полно, не живо, что на них, как на манекены, наброшена драпировка «деятельности», «честности», «сострадательности», что под этой драпировкой ничего нет, что они не двигаются, не действуют, а только говорят всё в одном духе. Соломин — не то. Мы предполагаем, что он не списан с натуры, потому что не встречали таких лиц, да и то, быть может, они есть, да редко<?>, но не чувствуем в нем фальши. Все его черты, все его слова так отчетливы, так определенны, так последовательны, что образ его не представляется нам окруженным туманом и полумраком Улиньки, Штольца и Тушина. И тем не менее это все-таки идеальный образ, такой, какого бы желал автор встречать почаще в России, но которого едва ли встречал *точно таким*. Имеет ли право беллетрист нашего времени изображать идеальные характеры, создавать то, что на языке живописцев называется «отсебятиной»? По нашему мнению, имеет, если у него найдется настолько силы воображения, настолько чувства правды, что он создаст «отсебятину» вполне живую, «с плотью и кровью».

Мы в России более всего страдаем отсутствием характеров и в жизни, и в литературе. Задатки для характера в каждом из нас есть, но они разбросаны, заросли тысячью сорных трав, называемых скептицизмом, идеализмом, гамлетизмом и прочими *измами*. Таковы были все прежние герои Тургенева, таковы и Нежданов, и Паклин. Соломин — это характер, выработавшийся из основных черт русского человека с примесью тех элементов, которые в действительности к нему пока не примешиваются или примешиваются весьма редко. Это человек из народа ^{39*}; ему незначит и идти в народ. Он весь с головы до пяток сидит в нем; но он выше его по познаниям, потому что учился в Англии. Но и учился он не так, как большинство наших русских юношей, слушающих понемножку всех профессоров во всех европейских университетах. Он учился только своему делу, своей специальности и вернулся в Россию блистательно подкованным в этом отношении. Тут он прямо взялся за дело, стал вести фабрику — и практически разрешать рабочий вопрос; рабочие его обожают, верят ему, как богу. Между ними есть люди, горячо ему преданные. У него на фабрике «кое-что заведось», т. е. школа, касса, больница и т. д. Фабрика для него — вся жизнь. Он урвется на час, на два, но нигде не расплывается, не заспоривается, не забалтывается, а спешит к *делу*. Это дело он любит всем сердцем, верит ему глубоко, ведет его вполне сознательно. Из-за этого дела он не раз сталкивается с хозяином фабрики, кулаком Фалеевым. Нежданов стал расспрашивать Соломина, какие социальные идеи он пытается провести во вверенной ему фабрике и намерен ли он устроить дело так, чтобы работники участвовали в барыше.

«Душа моя! — отвечал Соломин. — Мы школу завели и больницу маленькую — да и то патрон упирался, как медведь!».

Соломин держит себя с этим Фалеевым весьма и весьма независимо, даже круто: «...Василий Федотыч с ним, как с малым младенцем; а хозяин хотел какую-то противность учинить, так его Василий Федотыч сейчас отчеканил; брошу, говорит, сейчас всё, тот сейчас хвост и поджал». На обеде у Сипягина он высказывает мысль, что кулак-купец заедает работника не хуже дворянина, на которого смотрит как на нечто уже вовсе отживающее. У Маркелова он наиболее чутко откликается на рассказ о притеснении рабочих артели. В эпилоге мы узнаем, что он отправился в Пермь и устроил свой завод на артельных началах. Итак, Соломин верен себе до конца, это работник, труженик на поприще чисто практическом, но практическом не в смысле кулачества, наживы, а в смысле умения организовать дело, ужиться с народной массой, привязать ее к себе,

^{39*} Далее зачеркнуто: не ушедший далее уездного училища

приучить ее к новым формам жизни, к новым приемам. Соломин создаст школу таких тружеников. Тургенев нигде не представляет его человеком большого общего образования, сильным теоретиком, способным к обобщению, к широкой, синтетической концепции, к глубоким, тонким идеям. Не из этих элементов рождается и его политическое *sredo*.

Это *sredo* у него несомненно есть; оно нигде не высказано целиком, одним духом, и потому поверхностные чтецы не сумели его разглядеть в его коротких, часто отрывочных замечаниях и находят, будто Соломин — нечто неопределенное, противоречивое ²⁸. Мы постараемся собрать по крохам все, что он где-либо говорит, и определить на основании этого его политические стремления и взгляды и вместе с тем ту роль, которую Тургенев, по нашему мнению, ожидает от него в будущем. Это последнее нам хочется сделать потому, что одни говорят, будто Соломин через десять лет наденет халат и начнет попивать, другие, что он пойдет с топором.

Соломин недоволен существующим порядком вещей. Нравственная, умственная и материальная убогость русского народа его огорчает ^{40*}. «Народ — соня», — говорит он на обеде у Сипягина. «И вы хотите его разбудить?» — вопрошает фистулой Калломейцев. «Это было бы не худо».

Но как разбудить этот народ и что обещать ему при пробуждении? Нельзя сказать, чтобы второй вопрос представлялся Соломину ясно, и едва ли Тургенев, оставляя читателя в сомнении насчет этого вопроса, сделал это нечаянно, по недомолвке или неясности своего собственного представления: Соломин — человек не блестящего политического образования. Когда его приятели начинают пестрить свои разговоры именами Гейне, Бёрне и Прудона, он упорно молчит и улыбается своею широкою улыбкою. В Англии, как он сам говорит, он вращался в одной только сфере и составил себе понятие о *landed gentry* ^{41*} весьма трезвое, по тому, что видел лично. Он нигде не пустил общей фразы. Язык его — не язык культурного слоя, не книжный, а почти мужицкий. Нигде он не задумывается над политическими формами, формулами, доктринами. К существующему порядку он относится отрицательно ^{42*} главным образом потому, что на его глазах массы эксплуатируются кулаками-купцами, кулаками — российскими *gentry* вроде Калломейцева, наконец, правительством. Уровень народного развития приводит его в грусть своею низкостью. Он задумывается серьезно над тем, как вывести народ из этого положения, и посреди своих дум встречается с компанией «народников», «опростелых». Он прислушивается к их идеям, к их планам, к их жаргону. Лично они ему чрезвычайно симпатичны, но он с недоверием относится к их начинаниям, и его политическое *sredo* как будто окончательно развивается лишь под влиянием споров и разговоров с Неждановым, Маркеловым и т. д. Он не верит, чтобы народ можно было разбудить и поднять так, как предполагают его друзья. Этот народ ему хорошо знаком, для него это не *fata morgana* ^{43*}, это — «соня», «овцы», «темнота», которую не только вдруг, а и через десятки лет не растолкаешь. Он сам будит его потихоньку, исподволь школой, больницей, человеческим обращением, и этот путь кажется ему единственно возможным. Слушая пламенные речи своих приятелей, он высказывает свои мысли, возбуждая даже негодование Маркелова, который обрывает его презрительным именем «постепеновца». Внимательно читая, его никак нельзя упрекнуть, как делают иные, будто он точно нарочно толкает Нежданова в огонь, не предупреждая его об опас-

^{40*} Первоначально: неприятно поражает.

^{41*} поместном дворянстве (англ.).

^{42*} Первоначально: враждебно

^{43*} мираж (итал.).

Л. Н. ФИГНЕР —
ОДНА ИЗ ОСУЖДЕННЫХ
ПО «ПРОЦЕССУ ПЯТИДЕСЯТИ»

Фотография, 1870-е годы

Литературный музей, Москва

«Машурина — вылитый портрет Веры Любатович, которую мы прозвали „Волчонком“ за ее резкость, а Марианна — очень напоминала мою сестру Лидию»
(В е р а Ф и г н е р)

ности, чтобы овладеть его невестой²⁹. Это обличает совершенное невнимание при чтении «Нови». Соломин не сангвиник^{44*}. Он говорит гораздо меньше и даже не так красно, как Нежданов, Маркелов. Он видимо спокойно, медленно прислушивается к их мыслям, как бы желая поучиться у них, вынести из них нечто новое, новые аргументы в их пользу. Но он не пьянеет от споров. Ночью у Маркелова «Нежданов вдруг пришел в азарт; Соломин тихонько встал и, перейдя через всю комнату, запер открывшееся за головой Нежданова окошко... — Как бы вы не простудились, — добродушно промолвил он в ответ на изумленный взгляд оратора».

Не сочувствуя «прыганью в окно», «дерганью зубов», как выразился Паклин, Соломин, однако, не боится скомпрометировать себя, водясь с теми, кто пускается на такие опасные операции. Он дает Нежданову и Маркелову убежище на своей фабрике, но просит их не заниматься там пропагандой. Эта просьба весьма смахивает на трусость, но сходство чисто внешнее. Дело в том, что на этой самой фабрике Соломин проводил свою систему пробуждения народа, там у него завелось *кое-что*, что должно было содействовать этому пробуждению, и он хотел продолжать далее именно в этом направлении. А затем он подкрепляет свою просьбу весьма

^{44*} *Далее зачеркнуто:* не теоретик. То, что для них дело спешное, не терпящее отлагательства, то для него — дело нескольких поколений, дело тихой, но упорной, усидчивой работы.

— Постепеновцы до сих пор сверху шли, а мы попробуем снизу, — говорит он на обеде у Голушкина.

— Не нужно, к чёрту, — завопил Голушкин.

— Т. е. вы хотите в окно прыгнуть?

— И прыгну!

Прямо с обеда ночью Соломин спешит на фабрику. Там его дело, любимое и неотлагательное.

простым и наивным мотивом: «он дал слово хозяину, что не пустит пропагандистов» — и это в его устах не есть ренегатство. Он столько же, сколько купец Фалеев, боялся и не доверял этой пропаганде, только с другой точки зрения. Пропагандист был дантист, подходивший со щипцами вырывать зуб³⁰.

Когда Нежданов и Марианна поселились на фабрике Соломина и оттуда стали предпринимать свои экскурсии в народ, Соломин, правда, не отговаривал их, как водится, стращаньем, насмешками и навязываньем своих убеждений с ножом к горлу. Но беспрестанно проскальзывает и даже прямо высказывается его недоверие к успеху их предприятия. Переодевание кажется ему чем-то глупым, смахивающим на маскарад, и он это прямо говорит. Его тревожит будущее Нежданова, он находит совершенно бесполезным бросаться под колесницу Джаггернаута^{45*} и желает избавить и друзей своих от мученической смерти, никому не нужной³¹. Несомненно, что ему еще более жалко Марианну, чем мужчин. Он ее полюбил с первого взгляда своей простою, незатейливою, но теплою любовью, почти так же, как некогда полюбил голубоглазую ирландку Полли. И с Марианной он высказывается искреннее, охотнее, чем с Неждановым, потому что Марианна легче поддается на простой, незатейливый разговор, потому что на первых порах сфера ее деятельности ограничивается Татьяниной кухней.

«Так-то, так-то, Марианна... Вот вы и начали!» «Какое начала, Василий Федотыч!» И Марианна слушает и слушается его. Он ей понятнее, чем Нежданов. К тому же — противоположные полюсы притягиваются. Здоровое, определенное, трезвое^{46*} мировоззрение Соломина ее втягивает, между тем как опыты Нежданова — один другого неудачнее, окончательно надламывают ее.

Она идет за Соломиным и, вероятно, не сидит сложа руки на том заводе, который он устроил в Перми на артельных началах: Тургенев не любит обертывать своих героинь в грязные пеленки, как Лев Толстой^{47*}. Соломин кончает тем, чем начал; он до конца — выдержан, он весь из одного куска, не двусмыслен нигде, и оттого представляется живым лицом, а не куклой, как Чацкий, Штольц и Тушин³². Симпатичен ли он, или нет, — другой вопрос. Будь он живой человек — он вероятно был бы симпатичен одним и крайне антипатичен другим. Но нельзя упрекнуть этот образ в туманности, неясности. Это, напротив, один из самых отчетливых образов, которые когда-либо создавал Тургенев.

Мы не думаем, чтобы в лице Соломина Тургенев хотел представить последнее слово русской мысли, русского гения, не думаем даже, чтобы он изображал собою главного двигателя будущей российской революции. Нам кажется, что Соломины — это желанные для русской земли пахари. Только тогда, когда они вспашут «новью» вдоль и поперек, на ней можно будет сеять те идеи, за которые умирают наши молодые силы. Когда на десять русских придется шесть Соломиных, существующий порядок вещей станет невозможным, и если правительство опоздает реформой, Соломин XX века и его ученик, плутоватый^{48*}, сметливый и энергичный Павел сознательно, трезво возьмутся за топор. Он не выпадет из их рук, им не нужно будет переодеваться: народ их и без того будет знать, потому что они сами — народ. Соломины будут не *вожаки*, а рядовые революции,

^{45*} *Далее зачеркнуто:* и потому не лезет вперед с громкими фразами

^{46*} *Далее зачеркнуто:* неполоманное

^{47*} *Далее зачеркнуто:* Соломин не погнушался в последнюю минуту заступничества Сипягина за Марианну: он решил спасти ее, оставить ее в живых. Ссылка, которая была бы геройством вовсе в его глазах бесполезным

^{48*} *Далее зачеркнуто:* на все руки молодец

которая и возможна-то будет только тогда, когда у нее окажутся такие рядовые ^{49*}.

Мы слышали, будто кто-то наверху выразил мнение, что Соломины для правительства гораздо опаснее, чем Неждановы и Маркеловы, потому что они иезуиты, потихоньку подкапывающиеся под существующий порядок ³³.

Этот отзыв весьма понятен. Василий Федотович Соломин старается вывести народ из того слабоумия, из того нравственного несовершенноголетия, в котором, по мнению правительства, пребывает наш народ и в котором оно всячески старается удержать его как можно дольше.

Мы окончили посильный наш комментарий к одному из лучших произведений новой русской литературы. Быть может, этот комментарий никому не нужен, никому ничего не выяснит, никого ни в чем не убедит и не разубедит. Он имеет право на существование только потому, что до сих пор даже не могло быть подробного с этой точки зрения разбора «Нови» ^{50*} и потому, что весьма немногие из наших критиков оценили то, что смело можно было оценить даже печатно: политическую честность *Тургенева*, *доведенную до щепетильности*, искренность, прямоту, которою проникнут роман ³⁴. Россия вспомнит это когда-нибудь с благодарностью, вспомнит, что маслитому нашему писателю приходилось тысячу раз проскальзывать между Сциллой и Харибдой, вспомнит, что он первый ^{51*} отделил личный, нравственный характер народников от их политических задач и приемов и, представив их честными, благородными людьми, героями, плюнул в лицо нашим «охранителям».

Тургенев теперь стоит одинокий, отвергнутый крайнею левою и крайнею правою стороною. Он с достоинством занимает самое неблагоприятное место между двумя лагерями ^{52*}. Но, несомненно, для того, чтобы занять это место и крепко держаться на нем, требуется большая честность, большой запас энергии и нравственных сил. Гораздо легче вертеться флюгером, куда подует ветер, угождая по возможности всем и каждому!

Тургенев пока не угодил никому, разве двум-трем лицам. Посмотрим, что скажет будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта фраза Брюлловой дает возможность предположить, что она уже знала брошюру «Детогоубийство, совершаемое русским правительством» (Женева, 1877), посвященную «Процессу 50-ти». М. П. Драгоманов, сообщив в предисловии к брошюре сведения о суровой и самоотверженной жизни подсудимой С. И. Бардиной и ее подруг-студенток в Цюрихе, пишет: «А все это вместе, надеемся, достаточно обрисовывает, чего стоит России то *детогоубийство*, — истребление молодого поколения, — которым занято наше правительство уже не первый год и против которого пора уже поднять дружное противодействие отцам, матерям и братьям истребляемых лучших сил нашей молодежи» (стр. 8).

² Речь идет о гр. Дмитрие Андреевиче Толстом (1823—1889), пребывание которого на посту министра народного просвещения было ознаменовано рядом реакционных реформ начальной и средней школ. Стремясь ограничить доступ в университеты выходцам из недворянских кругов и в целях борьбы с революционными настроениями среди молодежи, Толстой провел в 1871—1872 гг. реформу среднего образования, в результате которой в классических гимназиях было значительно усилено преподавание древних

^{49*} Первоначально: такие армии. Далее на полях зачеркнуто: Неизбежна ли революция? — Да, неизбежна, как и везде, если не будет вовремя реформы. Тургенев не задается разрешением этой задачи. Еще бы!

^{50*} Далее зачеркнуто: что такой разбор и невозможен в России.

^{51*} Далее зачеркнуто: [отделил] признал в народниках честность, симпатичность

^{52*} Далее зачеркнуто: Прав ли он, или нет, другой вопрос. Несомненно, что он честен и велик в своей независимости.

языков, а реальные гимназии были преобразованы в реальные училища; воспитанники реальных училищ были лишены права поступать в университет. При Толстом была ограничена автономия университетов и усилен над ними политический надзор. Реформы Толстого в области образования вызвали широкое недовольство среди демократической и либеральной интеллигенции (см.: А. В. Никитенко. Дневник, т. III. М., Гослитиздат, 1956, стр. 203—205, 207—208, 209).

О резко отрицательном отношении Брюлловой к деятельности Д. А. Толстого свидетельствует также ее отзыв о статье, помещенной в «Правительственном вестнике» 21 мая 1873 г. (№ 120), в которой сообщалось о запрете русским студентам посещать лекции в высших учебных заведениях Цюриха (см. об этом также «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 20—23). 7/19 июля 1873 г. Брюллова писала К. Д. Кавелину: «Заявление, пожалуй, написано прилично. Но я встаю не против тона, а против сущности. Из-за того, что десяток уродов быют баклуши и кутят в Цюрихе, запирают двери всем женщинам, желающим учиться, когда отзывы университетского начальства о них наилучшие — это вопиющее безобразие. Ты говоришь: „обещают высшее учебное заведение в России“. Обещать — не хитро. Откройте, а потом мешайте ехать в Цюрих, потому что „оно, де, не нужно, учитесь дома“. Потом, что за аргументы: „так как другие европейские государства, где высшие заведения также недоступны женщинам, поставляют сравнительно с Россией незначительный контингент слушательниц, то ясно, что русских женщин влечет в Цюрих не одна жажда знания <...>“ По-моему, это доказывает только, что между русскими женщинами стремление к образованию сильнее, чем у немок, итальянок, француженок и проч. Дождется Дмитрий Андреевич настоящих революционерок и нигилисток, а не режущих только лягушек, да трупы <...> это деспотизм и фальшивая метода герметического закушоривания» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/4/СХХХІХб.).

³ Ср. с напумевшим осенью 1874 г. инцидентом, произошедшим между студентами Медико-хирургической академии и реакционным петербургским профессором И. Ф. Ционом. В «Дневнике» А. В. Никитенко приведен об этом следующий рассказ: «На днях произошел скандал в Медико-хирургической академии: студенты объявили, что они не хотят слушать лекций профессора <И. Ф.> Ц<и>она, занимающего кафедру физиологии, и разделились на две партии: одни свистали, другие аплодировали. Отчего это именно произошло, говорят весьма различно». И далее: «Случившееся в Медицинской академии повторилось в Горном корпусе, в Технологическом институте и в университете <...> Студенты требовали увольнения Ц<и>она, который и уволен под видом отпуска за границу на год. В Горный корпус и Технологический институт потребовалось послать жандармов <...> Пострадал более всех Горный корпус. Там распоряжался Валуев. Человек двадцать воспитанников схвачены и, как говорят, препровождены в пересыльную тюрьму, а оттуда на железную дорогу до Динабурга. Оттуда, одев их в казенные полушубки, их по этапу отправили на родину. И все это в несколько часов, без всякого разбирательства степени их вины» (А. В. Никитенко. Дневник, т. III. М., 1956, стр. 322, 323 и 324; запись от 24 октября, 3 и 10 ноября 1874 г.).

⁴ В связи с проводимой Д. А. Толстым политической насаждения классицизма возросла потребность в преподавателях древних языков, удовлетворить которую были не в силах отечественные историко-филологические институты и факультеты. Тогда Министерство народного просвещения в качестве преподавателей стало использовать кандидатов и магистров духовных академий, а также приглашать славян из зарубежных университетов. При Лейпцигском университете была создана специальная филологическая семинария, где готовились для России преподаватели древних языков из числа русских, западных славян и немцев. По докладу Д. А. Толстого (август 1873 г.) был установлен двухлетний срок обучения в Лейпцигской семинарии; на содержание ее стипендиатов и профессора русское правительство ежегодно отпускало 7000—10 000 рублей в год (С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, стр. 506—507).

⁵ Ср.: «Между тем эти распоряжения чиновного идиота <Д. А. Толстого. — Н. Б.> отзываются жестокими следствиями на нашей молодежи. Не говорим уже о самоубийствах гимназистов, самоубийствах, число которых все увеличивается и причина которых до того очевидна, что каждый раз на следствии начальство пытается всеми силами убедить читателей газет, что виною самоубийств не был нелепо строгий экзамен по мертвым языкам» (<П. Л. Лавров>). Что делается на родине? — «Вперед!», т. I. Цюрих, 1873, стр. 48).

⁶ Михаил Петрович Драгоманов (1841—1895) — украинский историк, этнограф и публицист, защитник идеи украинской автономии. В 1875 г. был отстранен от преподавания в Киевском университете по политическим мотивам и в 1876 г. эмигрировал в Женеву. 12 августа 1876 г. Брюллова писала К. Д. Кавелину: «Кстати: знаешь ли ты, что малороссийская литература запрещена, что по-малороссийски *вообще запрещено писать*? Это мне говорил Пыпин. Драгоманова преследуют ужасно. Он не думал вовсе уходить за границу, но ужасно бедствует. В газетах об этом, конечно, ничего нет» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/5/СХХХІХб.).

⁷ Петр Францевич Лесгафт (1837—1909) — ученый-анатом, педагог и прогрессив-

ный общественный деятель. В 1871 г. был уволен из Казанского университета (где с 1868 г. заведовал кафедрой физиологической анатомии) за выступление против установления правительственного надзора над университетом.

⁸ Сергей Геннадиевич Нечаев (1847—1882), революционер-заговорщик, имел значительное влияние на революционную студенческую молодежь конца 60-х — начала 70-х годов. В программе группы Нечаева, относящейся к зиме 1868/69 г., провозглашалось, что главной целью «товарищества» является достижение счастья народа. «Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всеокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобличению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию <...> Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение» («Правительственный вестник», 1871, № 162, 9 июля, стр. 4). Для достижения выдвинутых в программе целей Нечаев считал допустимыми любые средства. «Нечаевщина» — это тактика заговорничества, бунтарства, терроризма, авантюризма, сыгравшая отрицательную роль в развитии массового революционного движения. Деятельность Нечаева была резко осуждена Марксом и Энгельсом (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26. М., 1935, стр. 84, 208, 292—293).

Политический процесс нечаевцев — «Дело о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России» проходил в С.-Петербургской судебной палате с 1 июля по 27 августа 1871 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике», 1871, № 155—206. Обвинительные акты и приговоры суда перепеч. в сб.: «Государственные преступления в России в XIX веке. Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского)», т. I. СПб., 1906, стр. 159—227. Нечаевский процесс послужил для Тургенева толчком в его дальнейшей работе над «Новью», замысел которой восходит к 1870 г. Об отражении некоторых сторон нечаевского движения в романе «Новь» — см. в статье Л. А. Николова в «Проблемах „злободневности“ в русском политическом романе 70-х годов» (в кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX века. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 397—409).

⁹ Долгушинцы — кружок революционных народников, созданный осенью 1872 г. в Петербурге Александром Васильевичем Долгушиным (1848—1885). Долгушинцы отрицали необходимость длительной подготовки революции и считали, что ее можно вызвать путем организации крестьянских бунтов. В созданной ими под Москвой в 1873 г. тайной типографии были изданы прокламации «Как должно жить по закону природы и правды» (сокращенное изложение брошюры В. В. Берви-Флеровского «О мученике Николае»), «Русскому народу» и «К интеллигентным людям» (две последние написаны Долгушиным). Долгушинцы распространяли их во время своего «хождения в народ». Политический процесс над долгушинцами, обвинявшимися «в составлении и распространении прокламаций преступного содержания», происходил в Петербурге, в особом присутствии Сената с 9 по 15 июля 1874 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике», 1874, № 162—169, 172 и 173; перепеч. в указ. сб. «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I, стр. 254—318; см. также: А. А. Кузнецов. Долгушинцы. М., 1932. См. также мою статью «Роман „Новь“ и процесс долгушинцев». — «Тургеневский сборник», II. М. — Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 182—185.

¹⁰ «Вперед!» — русский журнал, издававшийся в Цюрихе и Женеве в 1873—1876 гг. П. Л. Лавровым и отражавший взгляды правого крыла революционного народничества. Выходил не периодически (всего было издано 5 выпусков). В основу программы «Вперед!» была положена идея всенародной социальной революции, для осуществления которой провозглашалась необходимость длительной подготовительной работы путем пропаганды социалистических идей среди народа. «На первое место, — говорилось в программе «Вперед!» — мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа <...> Революций искусственно вызывать нельзя, потому что они суть продукты не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов» («Вперед!», т. 1, 1873, стр. 12, 16). Журнал уделял также много внимания рабочему движению на Западе и деятельности I Интернационала. В 1874—1875 гг. в Лондоне издавалась газета «Вперед!» такого же направления (см. подробно в кн.: П. Л. Лавров (П. Миртов). Народники-пропагандисты 1873—78 годов. СПб., 1907, стр. 79—135).

¹¹ «Набат» — русский журнал, издававшийся в Женеве и Лондоне в 1875—1881 гг. П. Н. Ткачевым (1844—1885) и выражавший взгляды одного из левых направлений в революционном народничестве. «Набат» выдвигал идею политического переворота в России, совершаемого революционерами-заговорщиками с целью создания революционного государства. Ткачев и его сторонники призывали к немедленному восстанию, утверждая, что народ всегда готов к революции и в любой исторический момент может ее совершить. Разногласия между ткачевцами и лавровцами по вопросам тактики нашли свое выражение в печатной полемике 1874 г. См. об этом выше, во вступительной статье, а также в кн.: П. Л. Лавров (П. Миртов). Народники-пропагандисты 1873—78 годов, стр. 165—176).

¹² Казанская демонстрация — открытое революционное выступление рабочих и студентов-народников — состоялась в Петербурге, на Казанской площади, 6 декабря 1876 г. В расправе над демонстрантами, наряду с подоспевшей полицией, принимал участие и находившийся на площади народ, плохо разбиравшийся в том, что происходило (см.: «Первая рабочая демонстрация в России». М. — Л., ГИЗ, 1927, стр. 66). Любопытная запись об отношении толпы к демонстрации содержится в дневнике А. В. Никитенко от 27 декабря 1876 г.: «Говорят, что многие молодые женщины, приставшие к выходке у Казанского собора — иные только из любопытства замешавшиеся между другими, — избиты толпою чуть не до полусмерти. В этом видят патристическое настроение массы! На знамени было написано: „Земля и воля“. В толпе это растолковали, что вот бунтовщики хотят у народа отнять землю и волю, которые уже даны им царем» (А. В. Никитенко. Дневник, т. III, 1956, стр. 403—404). Политический процесс над участниками демонстрации проходил в Петербурге, в особом присутствии Сената, 18—25 января 1877 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике», 1877, № 15—20, 22, 23, 25—27, 31; перепеч. в указ. сб. «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, б. г. и б. м., стр. 1—127.

Некоторые современники Тургенева связывали казанскую демонстрацию с сюжетом «Нови», о чем свидетельствует, например, следующая запись в «Дневнике» реакционера В. П. Мещерского: «Любопытно, что говорят, будто конец романа происходит на Казанской площади в Петербурге, как будто Тургенев предсказывает и предвидел эпизод 6 декабря» («Гражданин», 1877, 8 января, № 1, стр. 14). Тургенев отнесся к казанской демонстрации отрицательно, о чем свидетельствуют его письма к друзьям в декабре 1876 г. Опасаясь за судьбу второй части «Нови» и имея в виду возможные цензурные затруднения, Тургенев написал специальное «предохранительное» письмо Стасюлевичу (от 22 декабря 1876/3 января 1877 г.), в котором разъяснил основную мысль романа, подчеркнув, что эта мысль «в сущности — *цензурна* и *благонамеренна*».

¹³ Очевидно, что Брюлловой были известны некоторые любопытные подробности процесса, не попавшие в официальную печать. Как показывают опубликованные материалы «Дела о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади, в С.-Петербурге, 6 декабря 1876 г.», среди осужденных была 16-летняя Ф. И. Шефтель, обвинявшаяся в том, что, «идя впереди толпы», она кричала: «За мною, вперед!» («Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 14).

¹⁴ Эта мысль Брюлловой очень близка к тем идеям, которые выражены М. П. Драгомановым в брошюрах «Турки внутренние и внешние» (Genève — Bâle — Lyon, 1876) и «Внутреннее рабство и война за освобождение» (1877). В этих брошюрах, посвященных балканской проблеме, Драгоманов писал о противоречии между «исторической миссией России» и «турецкими порядками в самой России» и выдвигал требование политической свободы внутри страны. По мысли Драгоманова, русское правительство, особенно с 1866 г., «откровенно отказалось даже от того черепашого прогресса, которым плелось прежде, и испортило само даже им самим дарованные полуреформы: крестьянскую, земскую, судебную, цензурную. Куда ж тут освобождать других?». И далее: «„Прогрессионное“ правительство царя-освободителя являло во все эти двадцать лет в своем роде единственное явление из истории: истребления и удаления от дел именно тех людей, которые наиболее искренно встретили сначала самые робкие намерения правительства покончить с системой Николая I. Если политическая мудрость состоит в том, чтоб истреблять людей своей партии и поручать исполнение своих „предначертаний“ врагам их, — то, бесспорно, мы обладали за последние двадцать лет мудрейшим правительством!» (М. П. Драгоманов. Внутреннее рабство и война за освобождение, стр. 14, 18). Говоря о «врагах» «предначертаний», Драгоманов, очевидно, имел в виду таких реакционных государственных деятелей, как А. Е. Тимашев, П. А. Валуев, Д. А. Толстой, П. А. Шувалов, о которых он упоминает в своей брошюре.

¹⁵ Ср. с отзывом Брюлловой о «Вешних водах» в письме к Кавелину от 4 января 1872 г.: «„Вешние воды“ и прелесть и гадость. Прелесть по форме, по художественности отделки, живости колорита, нуль по мысли, по идеалам, в ней выведенным. Почево-то вспомнишь Хвощинскую, которая сильна именно свежестью и силою мысли» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/4/СХХХХХ6.).

¹⁶ Пересказав подробно содержание первых глав «Нови» и, в частности, сцену у кассы Александринского театра, В. Г. Авсеенко заключает: «Пусть читатель подумает, сколько удивительных несообразностей вместились на этих страницах! Во-первых, случай с офицером в кассе никак не мог произойти, потому что трехрублевых кресел в Александринском театре нет и никогда не было, не только во втором, но и в первом ряду» («Русский вестник», 1877, № 3, стр. 913).

¹⁷ Возможно, что Брюллова здесь полемизирует с Г. А. Лопатиным, упрекавшим Тургенева в искаженном изображении народного движения. «Частью недостатком знакомства с последним движением и его представителями, — писал Лопатин, — частью условия нашей подневольной прессы принудили даже его <Тургенева. — Н. Б.> избрать своими героями наименьше характерные и многочисленные типы и заставить их действовать самым несообразным, чтобы не сказать смешным, образом,

вследствие чего у читателя невольно получается самое неверное представление, как о внутренних мотивах, толкающих наших революционеров на избранный ими путь, так и формах их деятельности и о степени состоятельности их упований» (анонимное предисловие к сборнику «Из-за решеток». Женева, 1877, стр. XV). «И это писалось в то время, когда [...] крестьянин Петр Алексеев выступал перед судом с своей речью!» (там же, стр. XVII—XVIII). По мнению Лопатина, Тургенев оставил в стороне «умных, понимающих, последовательных, энергических, деятельных и практичных» представителей народничества и сосредоточил внимание на личностях «слабых, неумелых, наивных, непрактичных, чтобы не сказать глухих» (там же, стр. XVIII—XIX).

¹⁸ Возможно, что Брюллова имеет в виду «пропагандистов» вроде Владимира Гавриловича *Дехтерева* (1854—1903), прототипа Кислякова в «Нови». В письме к А. П. Философовой от 18/30 августа 1874 г. Тургенев дал уничтожающую характеристику подобным «новым людям», упрекая их «в скудости мысли, в отсутствии познаний и главное: в бедности, в нищенской бедности дарования...». Однако Тургенев тут же добавил: «Я бы мог назвать вам молодых людей с мнениями гораздо более резкими, с формами гораздо более угловатыми — перед которыми я, старик, шапку снимаю, потому что чувствую в них действительное присутствие силы, и таланта, и ума».

¹⁹ Вероятно, об этом Брюллова узнала от самого Тургенева. Любопытно, что вопрос о влиянии нечаевского процесса на замысел «Нови» был затронут исследователями довольно поздно (впервые: А. Е. Грузинский. И. С. Тургенев. Пг., 1918, стр. 177—179, 186). Документальное подтверждение этого было обнаружено в опубликованных А. Мазоном черновых материалах «Нови» (М а з о н, стр. 116, 123, 124, 128).

²⁰ О К. К. Арсеньеве см. прим. 39 к вступ. статье.

²¹ Речь идет о судебном деле революционеров-народников, получившем название «Процесса 50-ти» (или процесса «Москвичей»), проходившем в Петербурге, в особом присутствии Сената, с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике» (1877, № 39—43, 45—58, 60, 62, 64 и 66; перепеч. в сб. «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 128—334). Среди привлекавшихся по этому делу были С. И. Бардина, О. С. и В. С. Любатович, Л. Н. Фигнер и др., бывшие цюрихские студентки, наборщицы журнала «Вперед!». О них Тургенев и раньше мог многое знать от Лаврова (см.: Тург. в восп. рев., стр. 23—24).

В связи с «Процессом 50-ти» Тургенев писал Стасюлевичу 27 февраля / 11 марта 1877 г.: «...один Аристарх, например, уверял, что Марианна нет, что я их выдумал — а тут вдруг процесс, где из 52-х революционеров — 18 женщин — дело небывалое и неслыханное в Европе — ни в какое время!».

²² См., например: «Н. К. Михайловский». Записки профана. — «Отечественные записки», 1877, № 2, стр. 316—320. Об этом же писал Г. А. Лопатин в предисловии к сборнику «Из-за решеток»: «Итак, вот причины, толкающие, по мнению Тургенева, наших революционеров на их дорогу. Это — фальшивое общественное положение, житейские неудачи, обманутая любовь, умственная несостоятельность и слабость характера...» (стр. XVI).

²³ «Весть» — политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1863—1870 гг. В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматовым (с 10 номера за 1867 г. — В. Д. Скарятин). Выражала идеологию дворянско-крепостнической оппозиции реформам 1860-х годов. Откровенно реакционная программа газеты успеха не имела, и «Весть» была вынуждена прекратить свое существование.

Очевидно, Брюлловой были хорошо известны реальные прототипы образов Калломейцева и Сипягина и понятна сатирическая направленность этих образов как представителей определенной социальной среды. В черновых материалах к «Нови» Тургенев называет среди лиц, послуживших ему прототипами для образов Калломейцева, — И. П. Новосильцева (1827—1890), М. Н. Лонгинова (1823—1875), Б. М. Маркевича, известных своими реакционными взглядами. В образе Сипягина, по замыслу писателя, должны были найти отражение некоторые черты таких русских государственных деятелей, как Д. А. Толстой, П. А. Валуев (1815—1890) — см.: М а з о н, стр. 109, 120, 123, 129. Б. М. Маркевич (1822—1884), реакционный романист, сотрудник катковского «Русского вестника», явился в основном прототипом для образа Ladislav'a, а отчасти и Калломейцева.

²⁴ Брюллова, вероятно, имеет в виду эпизод с Б. М. Маркевичем, который, узнав себя в Ladislav'e, не ограничился травлей Тургенева в печати и угрожал ему дуэлью. По этому поводу Тургенев писал Стасюлевичу 22 января/3 февраля 1877 г.: «Мистерия „Ладислава“ разрешилась; я получил от него большой пакет, содержащий копию с письма, написанного ему мною в 1863 году, когда меня вытребовали в Россию, якобы заговорщика вместе с Ничипоренко и т. д. Все это, разумеется, разлетелось дымом; но Маркевич в то время (вместе с А. Толстым) хлопотал обо мне — и я ему послал письмо, в котором благодарил его за сочувствие. Посылая мне копию, он как бы желает упрекнуть меня в перемене моих отношений к нему. Не я виноват, что он впоследствии оказался таким „клеветником“. Все это довольно невинно; хорошо то, что он сам подписывается: Ladislav. Упомянутое письмо Тургенева к Марке-

вичу — от 6/18 февраля 1863 г. На присланной Тургеневу копии этого письма помета: «Pour copie conforme. „Ladislas“» (С подлинным верно. «Ладислас»).

²⁵ Речь идет, вероятно, об известном эпизоде с «генералами»; рассказ о нем Тургенев приведен в воспоминаниях Н. А. Островской: «Знаете ли: когда вышел „Дым“, они, настоящие генералы, так разобиделись, что в один прекрасный вечер в английском клубе совсем было собрались писать мне коллективное письмо, по которому исключали меня из своего общества» (Тургеневский сборник. <Пг., 1915>, стр. 91).

²⁶ Ср.: «Отечественные записки», 1877, № 2, отд. II, стр. 324—325; «Дело», 1877, № 3, стр. 106—107.

²⁷ Ср.: «Дело», 1877, № 3, стр. 108.

²⁸ Ср.: «Отечественные записки», 1877, № 2, отд. II, стр. 324; «Дело», 1877, № 3, стр. 111; «Неделя», 1877, № 12, стр. 431; «Из-за решетки». Женева, 1877, стр. XVI.

²⁹ Ср.: «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 938—939; «Дело», 1877, № 3, стр. 119—120.

³⁰ Ср.: «...мы, русские, какой народ? Мы все ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь — и разом нас излечит, все наши раны заживит, выдернет все наши недуги, как больной зуб. Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! только, батюшка, рви зуб!! <...> А Соломин не такой: нет, — он зубов не дергает — он молодец!» (гл. XXXVIII).

³¹ Ср.: «Индийцы бросаются под колесницу Джаггернаута <...> она их давит, и они умирают — в блаженстве. У нас есть тоже свой Джаггернаут... Давить-то он нас давит, но блаженства не доставляет» (гл. IV).

³² Для характеристики отношения Брюлловой к героям Л. Н. Толстого и к тем картинам семейного счастья, которые рисует писатель, любопытно ее высказывание о романе «Война и мир». 2 января 1870 г. она писала Кавелину: «Вышел недавно шестой том „Войны и мира“, который, по-моему, довольно-таки слаб. Военные картины по-прежнему хороши <...> Семейные картины местами невозможны. Все герои и героини женятся и, по мнению Толстого, безгранично счастливы. Но он так цинически, так животноводно и грубо передал суть семейного идеала, что меня местами просто воротило. Покорно благодарю за такое счастье!» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/4/СХХХІХб.).

³³ Возможно, что отзыв о Соломине «наверху» связан с борьбой, развернувшейся в цензурном комитете вокруг романа «Новь» и обстоятельно изложенной, с привлечением архивных материалов (см.: Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1921, стр. 59—72). Об этой борьбе Тургенев писал Ю. Шмидту 13/25 апреля 1877 г.: «Даже в теперешнем своем виде книга едва не подверглась сожжению (большинство цензурного комитета осудило ее), и только председатель его, министр внутренних дел, спас книгу. Спасибо дипломатичности издателя, который, несмотря на мое нежелание, из предусмотрительности разделил роман на две части: настоящий яд заключается, собственно, во второй, а так всё и проскользнуло. Не хотели поднимать скандала. Министр заявил, что, прочитай он раньше сразу всю книгу, он, без сомнения, запретил бы ее...».

³⁴ Ср. со статьей «Комментаторы „Нови“» («Северный вестник», 1877, № 20, 20 мая) — в ней в заслугу Тургеневу ставится «гражданское мужество, с которым автор „Нови“ открыто и смело поставил вопрос, вокруг которого лавировали наши беллетристы и критики, опасаясь подойти к нему, что называется, вплотную».